КАЛЛИМАХЪ.

ИЗБРАННЫЕ ГИМНЫ

и

ЭПИГРАММЫ

Съ греческаго перевелъ

В. Алексѣевъ.

Съ введеніемъ и примѣчаніями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. А. А. Пороховщикова, Бассейная ул., д. № 3—5.
1899.

Дозволено цензурою. Спб. 11-го марта 1898 г.

Введеніе.

I.

Съ Менандромъ оканчивается классическій періодъ греческой поэзіи, и вскорѣ послѣ его смерти центръ тяжести въ области знанія былъ перенесенъ въ Александрію. Послѣ потери своей политической свободы и самостоятельности Аѳины лишились своего значенія, какъ ученѣйшаго города Греціи. Начинается новый періодъ греческой поэзіи—александрійскій.

По завоеваніи персидскаго царства Александромъ, говоритъ Веберъ, измѣнились не только политическія отношенія грековъ къ Востоку, но и понятія, стремленія, формы быта ихъ, характеръ искусства и науки. Вѣкъ Александра и его преемниковъ рѣзко отличается отъ временъ свободы грековъ и по своей умственной и государственной жизни. Правда, основные элементы, изъ которыхъ выросла новая культура, были даны греческой цивилизаціей, созданіями греческихъ искусствъ и науки; правда, греческій языкъ остался органомъ всей ученой и литературной дѣятельности; но перенесеніе на чуждую почву, смѣшеніе съ иноземными ингредіентами видоизмѣ-

нило эти коренныя силы. Расширившись по огромному пространству, сдѣлавшись предметомъ покровительства царей, греческая народность получила космополитическій характеръ, стала „еллинистической“ и роскошно расцвѣла въ новооснованныхъ столицахъ. Среди разноплеменнаго туземнаго населенія новыхъ громадныхъ городовъ греческій языкъ скоро утратилъ чистоту, принялъ въ себя новыя слова для обозначенія новыхъ понятій, новыя формы выраженій, приспособленныя къ измѣнившемуся быту; точно также подверглись большимъ преобразованіямъ религія, наука, искусство... Преобразованіе военнаго дѣла, основаніе новыхъ городовъ, проложеніе новыхъ путей сообщенія, развитіе торговли и промышленности, другія дѣла, требовавшія примѣненія научныхъ свѣдѣній къ житейскимъ надобностямъ, дали сильное развитіе практическимъ отраслямъ знаній. Подобно этому, и всѣ области умственной дѣятельности расширились, обогатились результатами новыхъ изысканій, прежнія понятія были преобразованы согласно измѣнившимся условіямъ жизни или были вытѣснены новыми. Ученые изслѣдовали далекія страны и давнія времена, чудеса природы, движенія небесныхъ тѣлъ. Космополитическія связи соединили народы и государства. Когда Родосъ пострадалъ отъ сильнаго землетрясенія, цари и города наперерывъ другъ передъ другомъ присылали пособія ему. Прежняя національная замкнутость повсюду утратила свое владычество;

народы перестали чуждаться другъ друга; упорство въ сохраненіи старинныхъ національныхъ особенностей перестало считаться нравственною обязанностью, замѣнилось любовью къ новой культурѣ, произведенія которой привлекали къ себѣ или богатствомъ содержанія, пышнымъ выказываніемъ учености и темнаго глубокомыслія, или блескомъ технической отдѣлки, красивостью формъ, реторическимъ краснорѣчіемъ. Литературная дѣятельность, подобно военному ремеслу, стала занятіемъ особаго класса людей, которые, устраняясь отъ участія въ практической жизни, брали матеріалы для своихъ произведеній изъ всѣхъ областей знанія и передавали ихъ массѣ публики въ поэтической и реторической обработкѣ, съ особенною любовью выбирая изъ громаднаго запаса свѣдѣній чудесное, странное, темное. Такимъ образомъ сословіе ученыхъ писателей создало космополитическую литературу, въ которой восточная мудрость, наперекоръ своему существенному различію отъ греческихъ понятій, сливалась съ ними въ одно цѣлое, нѣсколько уподобляясь своимъ характеромъ романтизму. Политическія и юридическія учрежденія патріархальныхъ восточныхъ государствъ были непримѣнимы къ новымъ условіямъ быта; строгое раздѣленіе людей по національностямъ тоже было невозможно въ новыхъ государствахъ; сила фактовъ вела къ замѣнѣ этой стороны космополитическими понятіями и законами... Искусство служило житейскимъ надобностямъ; духъ вѣка

стремился не къ сооруженію величественныхъ храмовъ, а къ построенію великолѣпныхъ дворцовъ, памятниковъ, къ украшенію городовъ; главнымъ предназначеніемъ пластики сдѣлалось созданіе изображеній людей, а не боговъ; тогдашній вкусъ требовалъ произведеній, удивляющихъ своею колоссальностью или изысканностью отдѣлки, богатствомъ украшеній... Таковъ былъ характеръ александрійской культуры вообще.

II.

Поэзія александрійскаго вѣка, безъ сомнѣнія, была не безъ проблесковъ геніальности, не безъ высоты и глубины мысли, но, вообще, не удержалась на высотѣ аттической культуры; ей чуждо и теоретическое и художественное творчество. Творческая пора греческой литературы закончилась со смертью Аристотеля. Признаки упадка мы найдемъ безъ труда въ сочиненіяхъ писателей того времени, несмотря на ихъ старанія прикрыть эти печальныя данныя притворнымъ удивленіемъ великимъ подвигамъ ихъ современниковъ и притворною вѣрою въ грядущее величіе. Политическое паденіе идетъ рука объ руку съ литературнымъ. Мѣсто недостающаго генія занимаетъ усидчивое прилежаніе, изученіе образцовъ литературы прежняго времени и подражаніе этимъ образцамъ. Нельзя сказать, повторяемъ, чтобы эти подражанія были лишены пріятности,

не были изящными въ своемъ родѣ и подчасъ не увлекали своею простотой. Но это исключенія. Въ другихъ благопріятное впечатлѣніе, производимое ими съ перваго взгляда, пропадаетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ ними. Вы видите, что ихъ правильная и изящная рѣчь имѣетъ мало возвышеннаго и величественнаго, холодна, лишена смѣлаго и блестящаго полета фантазіи и оказывается не болѣе, какъ умѣніемъ разрабатывать техническія стороны и преодолѣвать техническія трудности поэзіи. Поэты занимаются пустою игрою размѣромъ стиховъ и поэтическими формами своихъ произведеній. Пластицизмъ прежней греческой поэзіи замѣняютъ длинныя описанія природы, безсознательную геніальность творчества—изысканное стремленіе къ оригинальности содержанія и формы, аффектированная простота. Александрійцы заимствуютъ цѣлыя фразы изъ Гомера, Гесіода, Эсхила и другихъ поэтовъ; но вмѣсто безыскусственнаго народнаго языка мы находимъ у нихъ почти всегда языкъ книжный. У нихъ недостаетъ свѣжести и естественности; изображеніе душевной жизни затемнено и искажено изысканностью и претензіями на ученость. Цѣль ихъ—выяснить на практикѣ внѣшніе пріемы и средства поэтическаго творчества независимо отъ народности поэта, отъ содержанія произведеній, отъ разнородныхъ интересовъ, преслѣдуемыхъ поэтомъ въ личной и общественной жизни. Музыкальность ихъ рѣчи и заботы объ искусномъ построеніи уничтожаются неестественностью и подчасъ пред-

намѣренною неясностью, какъ у Ликофрона. Отъ этого несвободенъ даже такой завзятый реалистъ, какъ недавно открытый Герондъ. Благодаря всѣмъ этимъ недостаткамъ, ни поэзія, ни философія александрійскаго періода не обогатились ни однимъ великимъ произведеніемъ. Дыханіе жизни, творческая сила оставили греческую литературу навсегда. Александрійская школа не болѣе какъ мастерская космополитической поэзіи.

Александрійцы почти не отдаются всецѣло ни одному изъ разнообразныхъ направленій литературнаго творчества—преобладающей страстью у нихъ является страсть къ изученію разомъ нѣсколькихъ отраслей знанія. Но начитанность у нихъ сильнѣе дарованія, и они далеко не прочь хвастнуть своей ученостью. Изъ всѣхъ александрійскихъ поэтовъ мы едва-ли найдемъ хоть одного, который не былъ бы одновременно и поэтомъ, и философомъ, и математикомъ, и діалектикомъ, и музыкантомъ, и археологомъ. Такимъ былъ и Каллимахъ, и Аполлоній Родійскій,—онъ былъ, кромѣ того, остроумнымъ риторомъ—и Аратъ—кромѣ того, астрономъ. Грамматикомъ долженъ былъ быть каждый поэтъ, такъ какъ въ древности между грамматикой и поэзіей существовала тѣсная связь, и каждый образованный человѣкъ александрійской эпохи былъ ученымъ. Господствовавшее тогда настроеніе умовъ не благопріятствовало поэтическому творчеству, зато благопріятствовало ученымъ изслѣдованіямъ и развитію такъ называемыхъ точныхъ, или реаль-

ныхъ наукъ. Цари отпускаютъ крупныя суммы на составленіе библіотекъ и поддержку ученыхъ учрежденій. Благодаря этому, наука сдѣлала большіе шаги, и образованный міръ обогатился множествомъ новыхъ знаній. Литературная или ученая извѣстность была самымъ вѣрнымъ путемъ къ почестямъ и богатству. Въ Мусеѣ ученые, позабывъ политическіе счеты, мирно живутъ на царскій счетъ (ἡ ἐν Μουσείῳ σίτησις), обезпеченные отъ всякой нужды, имѣя возможность спокойно предаваться любимымъ занятіямъ. Македонскіе полководцы, подѣлившіе между собою послѣ смерти Александра его наслѣдіе, могли держаться въ своихъ владѣніяхъ лишь при помощи просвѣщеннаго греческаго элемента. Такимъ образомъ греческое образованіе постепенно становится на Востокѣ такимъ же ходячимъ и моднымъ явленіемъ, какимъ было французское образованіе въ Европѣ эпохи Людовика XIV. Литература и искусство, какъ источники утонченнаго наслажденія, питавшіе, кромѣ того, тщеславіе преемниковъ Александра, нашли себѣ ревностныхъ покровителей въ лицѣ многихъ изъ нихъ.

Среди царей особенный интересъ къ литературнымъ занятіямъ обнаруживали Птолемэи. Такъ Птолемэй I Сотеръ написалъ превосходную исторію Александра Великаго и воспитателями своего сына выбралъ поэта Филета и ученаго Стратона. Его преемникъ Птолемэй II Филадельфъ и Птолемэй III Евергетъ, патроны Каллимаха, покрови-

тельствовали занятіямъ естественными науками и математикой. Птолемэй IV Филопаторъ былъ горячимъ поклонникомъ Гомера, въ честь котораго даже выстроилъ великолѣпный храмъ, и самъ написалъ трагедію „Адонидъ". Даже Птолемэй VII Фисконъ, въ ужасное царствованіе котораго были изгнаны ученые, былъ диллетантомъ въ области грамматики, этнографіи и географіи. Но общественная и политическая жизнь вѣка Птолемэевъ не могла дать пищи поэзіи, какъ, въ свою очередь, сама поэзія своими произведеніями не могла вызвать сочувствія въ обществѣ и оказать на него благотворнаго вліянія— какого были въ правѣ ожидать отъ нея,—именно благодаря содержанію своихъ произведеній. Оно было заимствовано изъ миѳологіи и древней исторіи, не всегда понятныхъ массѣ. Любовныя похожденія переносятся въ міръ героевъ и боговъ. Модною темой стихотвореній становятся превращенія въ созвѣздія и мѣстныя легенды. Къ женщинѣ авторы относятся съ особеннымъ уваженіемъ. Цѣлые сборники стихотвореній носятъ имена метрессъ поэтовъ, напр., Биттиды, Леонтіи — какъ у Гермесіанакта — и др., хотя иногда называются и именами друзей или покровителей авторовъ, какъ у Теокрита, Филета и проч. За перо берутся и женщины, — теніянка Еринна, локрянка Носсида, мужественная тегеянка Анита или византіянка Мэро́.

Еще другое обстоятельство мѣшаетъ успѣху александрійцевъ—ихъ книжный языкъ былъ не

тотъ, что отдѣлившійся отъ него языкъ народный. Такимъ образомъ ихъ стихотворенія, не проникая въ массу, остаются чисто учеными стихотвореніями. Въ поэтической формѣ излагаются даже строго научные предметы,—ботаника, медицина,—колофонецъ Никандръ писалъ въ стихахъ медицинскіе трактаты—астрономія, въ произведеніяхъ Арата—исторія и иногда даже полемика съ литературными противниками, какъ въ Ἶβις'ѣ Каллимаха. Это можно было бы объяснить тѣмъ, что проза была недостаточно обработана для темъ подобнаго рода или давалась авторамъ труднѣе, чѣмъ поэтическое изложеніе; но у александрійцевъ стихотворная форма ихъ ученыхъ произведеній доказываетъ только, что матеріалы для поэзіи исчерпались и что таланты, жившіе въ стѣнахъ Мусея внѣ всякаго общенія съ окружающимъ міромъ, не могутъ найти для себя пищу и бросаются на всѣ предметы, какіе только доступны изученію, облекая въ форму поэзіи непригодныя для нея темы и не затрогивая при этомъ общественныхъ вопросовъ. Отчужденная отъ жизни поэзія становится игрушкою, но не для дѣтей, а для взрослыхъ. Она похожа на дѣтскую забаву, отсутствіемъ серьезной мысли, но рѣдко умѣетъ походить на нее невинною веселостью. Впрочемъ, о достоинствахъ и недостаткахъ александрійской поэзіи въ общемъ довольно трудно составить себѣ ясное понятіе, такъ какъ крупныя произведенія остались лишь отъ нѣкоторыхъ поэтовъ; отъ прочихъ же дошли

лишь жалкіе отрывки, не позволяющіе притти къ болѣе или менѣе опредѣленному представленію объ остальныхъ. Однимъ изъ наиболѣе полныхъ и даровитыхъ выразителей этого направленія является Каллимахъ.

III.

Сынъ Батта—имя обыкновенное въ династіи царей Кирены—и Мнесатмы, Каллимахъ извѣстенъ болѣе, какъ ученый, нежели какъ поэтъ, воплощая въ себѣ типъ полиграфа своего времени и обладая изумительною начитанностью и большимъ литературнымъ опытомъ. Не было предмета, о которомъ онъ не писалъ бы или стихами, или прозой. Уже одни его поэтическія произведенія говорятъ объ его изумительной учености. Благодаря ей, его прозвали «непогрѣшимымъ» (ἄπτωτος). Несмотря, однако, на свою поразительную плодовитость, ему не суждено было оставить послѣ себя прочныхъ результатовъ. На Каллимахѣ прекрасно оправдалась извѣстная пословица, что „поэты родятся, а не дѣлаются".

Біографическія свѣдѣнія о немъ крайне скудны. Кромѣ Авла Геллія, мы, къ сожалѣнію, нигдѣ не встрѣчаемъ болѣе близкихъ и точныхъ датъ какъ относительно рожденія и смерти Каллимаха, такъ и относительно его учено-литературной дѣятельности. Мы знаемъ только, что онъ происходилъ изъ высоко-аристократической фамиліи Бат-

тіадовъ, когда-то занимавшей престолъ Кирены. Дѣдъ его, носившій съ нимъ одно имя, командовалъ киренскими войсками. Въ 322 году Птолемэй присоединилъ владѣнія Кирены къ Эгипту. Тогда семья Каллимаха переселилась, вѣроятно, въ Александрію, гдѣ и получилъ свое воспитаніе и образованіе будущій поэтъ, въ школѣ одного изъ первыхъ грамматиковъ своего времени—перипатетика Праксифана, ученика Теофраста. Другимъ его учителемъ былъ извѣстный грамматикъ Гермократъ. Послѣ окончанія своего образованія молодой Каллимахъ, по обычаю того времени, отправился въ путешествіе, при чемъ посѣтилъ славившіеся тогда центры образованности. Въ Греціи онъ занимался вмѣстѣ съ Аратомъ, авторомъ поэмы «Φαινόμενα καὶ Διοσημεῖα». Уже тогда онъ обнаруживаетъ свое поэтическое дарованіе и пишетъ элегію о счастьѣ того, кто доволенъ малымъ. Онъ былъ, между прочимъ, въ Аргосѣ, гдѣ сочинилъ свою превосходную элегію или гимнъ «На омовеніе статуи Аѳины», единственный гимнъ, написанный имъ на дорическомъ нарѣчіи.

Послѣ возвращенія въ Александрію начинается обширная поэтическая и ученая дѣятельность Каллимаха. Онъ открываетъ школу въ одномъ изъ предмѣстій эгипетской столицы — Елевсинѣ. Учениками его, кромѣ соотечественниковъ его, Ератосѳена и племянника его, Филостефана, были великій Аристофанъ Византійскій и Аполлонъ Родійскій, позже изъ друга превратившійся въ

непримиримаго врага своего учителя. Сопоставленіе нѣкоторыхъ хронологическихъ данныхъ позволяетъ намъ относить рожденіе Каллимаха къ 304—301 г. до Р. Х.

Между тѣмъ скромный преподаватель грамматики пріобрѣтаетъ славу своими поэтическими произведеніями и становится извѣстнымъ александрійскому двору. Вѣроятно, въ 254—53 г. онъ, по приглашенію Птолемэя II Филадельфа, дѣлается придворнымъ поэтомъ и преемникомъ Зенодота въ дѣлѣ завѣдыванія книжными сокровищами Птолемэевъ. Впрочемъ, послѣднее извѣстіе не можетъ быть принято безъ возраженій. Въ Мусеѣ проходитъ и вся остальная трудовая жизнь Каллимаха. Подробности объ этой порѣ его жизни, къ сожалѣнію, неизвѣстны; но изъ его эпиграммъ можно догадываться, что этотъ властолюбивый старикъ пользовался большимъ вліяніемъ, благодаря чему заставилъ даже бѣжать изъ Александріи своего литературнаго врага, Аполлонія Родійскаго, въ то время еще очень молодого человѣка. Какъ ученый, Каллимахъ былъ представителемъ и руководителемъ цѣлой филологической школы. Школа эта, первая въ греческомъ мірѣ по своему характеру, оказала очень много услугъ въ дѣлѣ исправленія текста древнихъ авторовъ. Въ числѣ учениковъ Каллимаха, такъ называемыхъ Καλλιμάχειοι, были знаменитыя имена. Но изложеніе ихъ критической дѣятельности отвлекло бы насъ отъ нашей задачи. Умеръ Каллимахъ въ царствованіе Птолемэя III Евергета, повидимому, около 230 г. до Р. Х.

Какъ писатель, онъ отличался необычайною плодовитостью. Это былъ и драматургъ, и географъ, и орнитологъ, и историкъ литературы, и этнографъ, и т. д. Число его сочиненій, по словамъ Свиды, доходило до восьмидесяти. До насъ дошло 41 заглавіе его произведеній, состоявшихъ, по свидѣтельству его комментаторовъ, болѣе, чѣмъ изъ 800 книгъ; но многія вещи, вѣроятно, приводились подъ разными заглавіями. Списокъ ихъ, сообщаемый Свидой, правда, самый полный изъ числа дошедшихъ до насъ, но составленъ весьма небрежно. Не мало произведеній пропущено. Въ Violarium Евдокіи списокъ Свиды цитируется съ измѣненіями и сокращеніями. Можно думать, что всѣ эти произведенія не отличались объемомъ, такъ какъ авторъ выражаетъ мнѣніе, что „большая книга — большое зло". Въ общемъ числѣ книгъ — 19 занимали стихотворенія; остальныя были написаны прозой *).

Прежде всего, Каллимахъ былъ первокласснымъ элегикомъ. Элегія іонійцевъ и аттическихъ поэтовъ проникнута подчасъ поэтической грустью; но въ ней встрѣчаются и изреченія нравственнаго характера и политической мудрости, какъ результатъ житейскаго опыта; элегія александрійцевъ — имѣетъ самое разнообразное содержаніе, напоминая о себѣ лишь своею внѣшнею формой двустишія, пред-

*) Въ изданіи Schneider'a—II, p. 2—3.

ставляющаго соединеніе величественнаго гекзаметра съ чередующимся мягкимъ пентаметромъ. Александрійцы—какъ отдѣльные писатели, такъ и цѣлыя группы — сперва придерживаются того-же направленія, какое имѣла іонійско-аттическая элегія, но потомъ начинаютъ излагать въ формѣ элегіи и миѳологію, и личныя ощущенія, и гимны, и путешествія, и смѣсь, при чемъ отводятъ ей почетное мѣсто среди другихъ видовъ поэзіи, снабжая ее всѣми сокровищами своей начитанности. Но были и такія элегіи, гдѣ ученость ихъ авторовъ-грамматиковъ давала чувствовать себя менѣе, принимая популярный характеръ. Въ элегіяхъ этого рода сила страсти и чувства достигаетъ высокой степени. Въ то же время эти элегіи служатъ выраженіемъ субъективныхъ ощущеній. Картины дружбы и любви и, въ особенности, тихой жизни не могутъ не возбуждать высокаго интереса къ себѣ. Изображая разныя любовныя похожденія, элегія получаетъ романтическую окраску и почти приближается къ новѣйшей балладѣ. Соціальныхъ вопросовъ александрійцы не затрогиваютъ вовсе,—они недоступны имъ—зато немало матеріала для элегій даетъ имъ личная жизнь, богатая индивидуальнымъ элементомъ, жизнь тихая, не свободная отъ душевныхъ порывовъ, но чуждая борьбы за существованіе. Позже элегія александрійцевъ переходитъ въ антологію.

Объ ихъ элегіяхъ даютъ намъ ясное понятіе римскіе поэты, какъ республиканскаго, такъ и

императорскаго Рима, переводившіе александрійцевъ и подражавшіе имъ. Удивляясь силѣ страсти и чувства, художественно изображаемыхъ въ подражаніяхъ Катулла, Тибулла, Проперція и Овидія, мы не должны забывать, что образцомъ имъ въ данномъ случаѣ служилъ преимущественно Каллимахъ. Они отзываются о немъ восторженно: онъ для нихъ авторитетъ. Проперцій (III. 7, 43) называетъ его purus poeta. Овидій (Amor. I. 15, 13—14) говоритъ о немъ:

Battiades semper toto cantabitur orbe:
Quamvis ingenio non valet, arte valet.

Строгій и авторитетный критикъ Квинтиліанъ заявляетъ: (X. 1. 58):... elegiam vacabit in manus sumere, cujus princeps habetur Callimachus *). Элегіи его носили по преимуществу эротическій характеръ; въ нихъ онъ разсказывалъ свои любовныя радости и страданія. Собственно отъ его элегій дошли всего четыре стиха. Первое мѣсто между ними занимала „Κυδίππη“, третья книга сборника Αἴτια, считавшаяся образцомъ элегіи и служившая предметомъ подражанія для Овидія, въ его одноименной двадцать первой „Героидѣ“. Она же послужила образцомъ романическихъ повѣстей о Левкиппѣ и Клитофонтѣ, Геро́ и Леандрѣ и т. д. Впослѣдствіи Аристэнетъ изложилъ миѳъ о Кидиппѣ прозой. Затѣмъ большою из-

---

*) „...Мы можемъ взять въ руки элегію, *лучшимъ представителемъ которой считается Каллимахъ*“ (стр. 10 нашего перевода).

вѣстностью пользовалась элегія „Βερενίκης πλόκαμος“, гдѣ поэтъ воспѣлъ косу жены Птолемэя III Евергета — царицы Береники. Она дала обѣтъ посвятить свою чудную косу богамъ, если ея любимый мужъ вернется побѣдителемъ изъ похода противъ Селевка II Каллиника. Царица могла сдержать свое слово—и принесла свои волосы въ даръ Афродитѣ. Но въ ту же ночь ихъ похитили изъ храма. Всѣ розыски виновнаго оказались напрасными. Извѣстный тогда астрономъ, саміецъ Кононъ, объяснилъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ причину пропажи волосъ, объявивъ, что боги вознесли ихъ на небо и помѣстили среди созвѣздій, такъ какъ эти волосы принадлежали тѣмъ же богамъ. Астрономъ даже указалъ любопытнымъ это созвѣздіе. Его остроумная и, повидимому, не безвыгодная спекуляція была воспѣта Каллимахомъ. Элегія эта не дошла до насъ, но, судя по сохранившимся отрывкамъ,—всего шести стихамъ—очень близко переведена Катулломъ въ его 66-мъ стихотвореніи. Въ ней виденъ умъ и талантъ автора, хотя она напоминаетъ „Александру“ Ликофрона. Это произведеніе относится, вѣроятно, къ 243-му году до Р. Х.

Къ утерянымъ элегіямъ принадлежатъ также вышеупомянутыя „Αἴτια“, своего рода миѳологическая антологія и энциклопедія греческихъ древностей, въ четырехъ книгахъ, заключавшихъ въ себѣ богатое собраніе миѳовъ,—открытыхъ автору, какъ онъ самъ заявляетъ, въ сновидѣ-

ніи,—и археологическихъ свѣдѣній. Здѣсь были легенды и разсказы о происхожденіи различныхъ народныхъ праздниковъ, игръ, обрядовъ или учрежденій, объяснялись значенія темныхъ названій греческихъ городовъ и мѣстностей, прозвищъ боговъ и т. п. Разсказы эти были отвѣтами на вопросы подобнаго рода: Почему на Делѣ употреблялись для свадебныхъ обрядовъ кидонійскія яблоки? Или: Почему побѣдителей на истмійскихъ играхъ украшали вѣнкомъ изъ петрушки, а не сосновымъ? Почему ни одна собака не приближается къ Делу? и т. п. Въ эти разсказы вставлялись интересныя исторіи эротическаго характера, напр., вышеупомянутая Κυδίππη. Благодаря своей полнотѣ, сборникъ, а, быть можетъ, и цѣльное произведеніе Каллимаха, служилъ образцомъ для Овидія, когда онъ писалъ свои „Fasti“. Собранные и обработанные Каллимахомъ разсказы, въ противоположность подобнымъ попыткамъ Филета, Гермесіанакта и др., имѣли въ виду удовлетворять любознательности читателей, а не преслѣдовали исключительно эротической цѣли. Фрагменты Αἴτια состоятъ почти исключительно изъ отдѣльныхъ словъ. Что же касается цѣльныхъ мѣстъ, въ самомъ большомъ отрывкѣ всего три стиха.

Изъ многочисленныхъ прозаическихъ произведеній историческаго и грамматическаго содержанія самымъ важнымъ были Πίνακες, систематическій и критическій каталогъ книжныхъ сокровищъ (полное заглавіе: Τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμψάντων

καὶ ὧν συνέγραψαν, ἐν βιβλίοις κ' καὶ ρ') александрійской библіотеки, въ 120 книгахъ, строго раздѣленный по различнымъ областямъ знанія,—откуда и его названіе. Здѣсь были отдѣлы лирики, исторіи, философіи, смѣси и различныхъ наукъ, при чемъ писатели располагались, повидимому, въ хронологическомъ, а не въ алфавитномъ порядкѣ. Въ каталогъ этотъ, имѣвшій библіографическій и историко-литературный характеръ, входили: заглавіе сочиненія, съ указаніемъ числа строкъ, начальныхъ словъ рукописи и, гдѣ было нужно, замѣчанія о дѣйствительномъ, неизвѣстномъ или предполагаемомъ ея авторѣ. Если сочиненіе не имѣло заглавія, авторъ сочинялъ его самъ, если заглавій было нѣсколько — высказывалъ свое мнѣніе въ пользу болѣе вѣроятнаго изъ нихъ. Изъ желанія придать своему труду возможно большую полноту, Каллимахъ вносилъ въ него и самыя незначительныя произведенія. Къ величайшему сожалѣнію, этотъ трудъ, улучшенный, исправленный и снабженный комментаріями, благодаря стараніямъ позднѣйшихъ ученыхъ,—въ томъ числѣ Аристофана Византійскаго (его Πρὸς τοὺς Καλλιμάχου πίνακας), внесшаго въ свое сочиненіе и эстетическій элементъ, котораго, впрочемъ, не чуждался, быть можетъ, и самъ Каллимахъ,— и нѣкоторыхъ граммагиковъ пергамской школы, погибъ. Отъ него мы имѣемъ одни отрывки, въ числѣ 29, изъ которыхъ 13 самыхъ важныхъ сохранены Атенэемъ. „Таблицы“ Каллимаха были во всякомъ случаѣ цѣлы въ 1-мъ вѣкѣ до Р. Х.

Указатели сочиненій греческихъ поэтовъ, ораторовъ, философовъ и проч., встрѣчающіеся въ сочиненіяхъ Діогена Лаертскаго, Свиды и другихъ біографовъ, заимствованы большею частью изъ этого труда, драгоцѣннаго основанія для исторіи греческой литературы, образца многихъ литературныхъ трудовъ древности. Если Каллимахъ поставилъ себѣ задачей собрать, пересмотрѣть и распредѣлить по отдѣламъ всѣ произведенія греческой литературы и науки,—иначе говоря—дать въ стройной и наглядной формѣ ясное понятіе о научной производительности своей націи — онъ своими „Таблицами“ блистательно выполнилъ свою задачу, хотя ему приходилось работать на расчищенной почвѣ, пользуясь библіографическими работами предшественниковъ, въ томъ числѣ самого Филадельфа.

Субъективный элементъ древней поэзіи находитъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ эпиграммѣ. Въ данномъ случаѣ Каллимаху посчастливилось не болѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Повидимому, его эпиграммы составляли цѣлый сборникъ, между тѣмъ мы имѣемъ отъ нихъ всего 63 штуки. Большинство погибло, да и изъ дошедшихъ до насъ не всѣ подлинныя. При своей сжатости, отрывочности, тонкому остроумію и строгой обдуманности, онѣ отличаются и разнообразіемъ содержанія. Здѣсь вы найдете и посвятительныя эпиграммы, и надгробныя,—самыя многочисленныя—и писанныя на случай, и относящіяся до литературныхъ воспоминаній, и эротическія,

иногда весьма нескромныя. Въ эротическихъ эпиграммахъ Каллимахъ выказываетъ замѣчательное мастерство и служитъ образцомъ для Овидія и Проперція. Эпиграммы были собраны частью Мелеагромъ и его послѣдователями, частью въ византійскій періодъ,—изъ существовавшихъ еще тогда сочиненій Каллимаха. Марціалъ (IV. XXIII) отводитъ ему первое мѣсто среди эпиграмматистовъ.

Каллимахъ не безъ успѣха пробуетъ свои силы и въ эпосѣ. Его эпическое стихотвореніе „Ἑκάλη“, много читавшееся и изучавшееся долгое время, возбуждало глубокое удивленіе. Въ „Гекалѣ“ поэтъ описывалъ весьма реально какъ самую хозяйку и обстановку ея убогой избушки, такъ и скромныя блюда, которыми Гекала потчивала своего высокаго гостя. «Гекалѣ» подражали не только греческіе, но и римскіе поэты. Въ этой мастерски написанной вещи, къ сожалѣнію, также утерянной, поэтъ разсказывалъ объ угощеніи Тесея старушкой Гекалой. Вліяніе произведенія Каллимаха замѣтно въ прелестномъ миѳѣ о Филемонѣ и Бавкидѣ въ „Превращеніяхъ“ Овидія. Овидій же заимствуетъ у Каллимаха цѣлые стихи въ своемъ «Ibis»'ѣ, „Превращеніяхъ“, «Печальныхъ Пѣсняхъ» и въ «Наукѣ любить». Подражаетъ ему и Вергилій, въ своихъ «Георгикахъ». Современникъ императора Анастасія, схоластикъ начала VI вѣка, Маріанъ, перевелъ „Гекалу“ ямбическимъ размѣромъ, вмѣстѣ съ «Αἴτια», гимнами и эпиграммами. Отъ «Гекалы» дошло порядочное число

отрывковъ, хотя и небольшихъ. Смыслъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть возстановленъ только предположительно. Затѣмъ поэма Аполлонія Родійскаго также полна стихами Каллимаха. Цѣлыя фразы изъ Каллимаха встрѣчаются также у Діонисія Періегета, Нонна, Аполлинарія, Григорія Назіанскаго и въ «Письмахъ» Аристэнета. Многіе стихи его обратились въ пословицы. Вообще, ни одинъ греческій поэтъ не цитируется древними такъ часто, какъ Каллимахъ, исключая развѣ Гомера. Отсюда видно, какою широкою популярностью пользовался Каллимахъ въ древнемъ мірѣ.

Отъ его небольшого памфлета «Ἶβις», служившаго образцомъ одноименнаго стихотворенія Овидія и направленнаго, какъ говорятъ, противъ Аполлонія Родійскаго, не сохранилось ни одного стиха, равно какъ и отъ холіямбовъ остались столь незначительные отрывки, что мы не можемъ сказать что-либо положительное о литературныхъ достоинствахъ этихъ произведеній.

Трудно сказать, издавалъ ли Каллимахъ свои стихотворенія отдѣльно, или же въ видѣ сборниковъ, какъ то дѣлали обыкновенно римскіе поэты. Первое вѣроятнѣе. По крайней мѣрѣ, грамматики нерѣдко ссылаются на отдѣльныя его стихотворенія. Какъ-бы то ни было, уже до Рождества Христова существовало собраніе сочиненій Каллимаха, раздѣленное на части и отдѣлы (ὕμνοι, ἐπιγράμματα, ἴαμβοι, μέλη и т. д.). Это сдѣлано было, между прочимъ, грамматиками, изъ числа которыхъ выдаются Теонъ и Епафродитъ,

толкователь Αἴτια. Отрывковъ сохранилось 966; изъ нихъ 573 можетъ быть пріурочено къ тому или другому произведенію.

IV.

Перейдемъ теперь къ гимнамъ Каллимаха.

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ александрійской эпохи мы видимъ такую же перемѣну, какъ и въ политическихъ отношеніяхъ. Изъ круга образованныхъ людей исчезла дѣтская вѣра въ боговъ, вѣра старины, представлявшая себѣ этихъ боговъ подобными человѣку существами, которыя имѣютъ сношенія съ людьми и управляютъ всѣми человѣческими дѣлами. Это наивное вѣрованіе давно стало считаться у образованныхъ людей суевѣріемъ. Истинно-религіозное чувство при общей испорченности и пресыщенности совершенно исчезло, и его заступило отрицаніе или суевѣріе сердецъ, которое составляло странное противорѣчіе съ невѣріемъ головъ. Отъ религіи осталась только форма; въ религіозной жизни царствуетъ холодъ, набожность на показъ, преобладаніе догмы и, въ самомъ благопріятномъ случаѣ,—наружнаго культа. Мало того, прежнія вѣрованія и обряды были измѣнены, благодаря смѣшенію греческихъ воззрѣній и обычаевъ съ иностранными. Противорѣчащія другъ другу понятія были спутаны. Народная религія замѣнялась системами метафизики и нравственной философіи. Сочиненіе сицилійца

Евгемера нанесло сильный ударъ политеистическимъ вѣрованіямъ народа, но встрѣтило, благодаря отсутствію въ ученіи Евгемера чего-либо духовнаго и идеальнаго, сильный отпоръ со стороны Каллимаха и Ератосѳена. Однако, у того-же Каллимаха отсутствіе религіознаго чувства сказывается въ его гимнахъ. Быль и басню, старину и новизну, простоту и вычурность, эпическій и лирическій элементы — все это найдете вы въ нихъ.

Гимны эти довольно длинны—особенно гимны къ Артемидѣ и Делу, изъ которыхъ первый занимаетъ 268 и второй 326 стиховъ,—и написаны по-іонійски, кромѣ одного,—гимна на омовеніе статуи Аѳины. Подобно своимъ прототипамъ, псевдо-гомеровскимъ гимнамъ, они прославляютъ рожденіе и раннюю жизнь того божества, которому посвящены. Bergk думаетъ, что въ данномъ случаѣ Каллимахъ подражалъ не свѣтскимъ гимнамъ, а древнимъ религіознымъ νόμοι. До насъ дошло шесть гимновъ, идущихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: къ Зевсу, къ Аполлону, — образцомъ для него служила, быть можетъ, Δηλιακός Гиперида, гдѣ, вѣроятно, весьма подробно разсказывалась миѳическая исторія острова и скитанія Лето вплоть до рожденія ею Аполлона,—къ Артемидѣ, къ Делу, на омовеніе статуи Аѳины и къ Деметрѣ.

„Гимны „Каллимаха“,—говоритъ Bernhardy— „были священныя пѣсни, написанныя для богослуженія новыхъ еллинистическихъ культовъ въ

Эгиптѣ; составленные миѳологомъ по ремеслу, они сухи, бѣдны поэтическими мыслями, бѣдны религіознымъ чувствомъ, переполнены ретори-ческими прикрасами и книжной ученостью; лишь изрѣдка попадаются въ нихъ картинныя мѣста,— гораздо больше въ нихъ напыщенности; они имѣютъ лишь техническое достоинство, состоя-щее въ томъ, что въ нихъ попадаются удачныя, смѣлыя или новыя выраженія и что повѣство-вательные эпизоды разсказаны ловко“.

Этотъ отзывъ нельзя не назвать черезчуръ рѣзкимъ. Пусть эти гимны говорятъ скорѣй объ обширной эрудиціи, нежели о даровитости автора; пусть они по своей педантичной холодности и учености не выдерживаютъ никакого сравненія со своими прототипами; пусть они написаны на случай и имѣютъ отношеніе къ личностямъ и событіямъ, имѣвшимъ мѣсто при Александрій-скомъ дворѣ, пусть не согрѣты вѣрой въ боговъ и носятъ даже слѣды реализма, напримѣръ, гимнъ къ Артемидѣ,—у нихъ все-таки есть безспорно свои крупныя достоинства. Гимнъ къ Зевсу—въ своемъ родѣ образцовое произведеніе, относящееся къ первымъ годамъ царствованія Птолемэя Фила-дельфа, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ родъ оффиціаль-ной кантаты, написанной по заказу двора по слу-чаю вступленія на престолъ Филадельфа. Время его написанія относится, повидимому, къ 272 году. Если онъ не исполненъ истиннаго, горячаго во-одушевленія, все же онъ и не мертворожденный плодъ кропотливой учености. Тема выбрана

удачно и разработана съ изяществомъ. Мало того, въ гимнѣ къ Зевсу видна рѣдкая красота формы, необыкновенная зрѣлость мысли, умѣнье, при богатствѣ и разнообразіи содержанія, при-дать своему произведенію небольшіе размѣры, не упуская въ то же время изъ виду ни одной су-щественной черты, и искусство группировки и выбора миѳологическихъ деталей. Чтеніе гимна не затемняютъ утомительныя миѳологическія прикрасы, въ изобиліи встрѣчающіяся у того же Каллимаха въ другихъ гимнахъ; напротивъ, изложеніе ясно и непринужденно. Здѣсь видна полная гармонія между политикой, чувствомъ и ученостью; требованія эстетической критики мо-гутъ быть удовлетворены вполнѣ. Точно также весьма недуренъ гимнъ къ Артемидѣ съ его гра-ціозной сценой въ дѣтской на Олимпѣ (ст. 66 слл.)—изъ-за этой сцены, мало вяжущейся вообще съ религіознымъ гимномъ, текстъ его въ данномъ мѣстѣ подвергался совершенно неосновательно цѣлому ряду поправокъ и даже выбрасываніямъ отдѣльныхъ стиховъ со стороны нѣкоторыхъ че-резчуръ подозрительныхъ критиковъ—или про-никнутымъ тонкимъ юморомъ разсказомъ объ обжорствѣ Геракла, въ томъ же гимнѣ (ст. 142 слл.). Что же касается гимна-элегіи Εἰς λοῦτρα τῆς Παλλάδος, онъ представляетъ выдающіяся поэ-тическія достоинства. Это отнюдь не сухое, бѣд-ное поэтическими мѣстами произведеніе, а рос-кошный цвѣтокъ поэзіи александрійскаго періода и даже греческой поэзіи вообще. Онъ, подобно

гимну къ Деметрѣ, сохранился не безъ пробѣловъ. Нарѣчіе его—дорическое. Въ немъ авторъ описываетъ ежегодно происходившій въ Аргосѣ обрядъ омовенія въ водахъ Инаха статуи Аѳины вмѣстѣ со статуями другихъ боговъ. Сильный талантъ сказывается и въ гимнѣ къ Деметрѣ, написанномъ, вѣроятно, для одного изъ праздниковъ, данныхъ Птолемэемъ Филадельфомъ, въ подражаніе аѳинскимъ Тесмофоріямъ. Гимнъ этотъ также не лишенъ юмора — въ описаніи голода Ерисихтона (ст. 68 сл.). При сочиненіи гимновъ Аполлону, Деметрѣ и на омовеніе статуи Аѳины Каллимахъ имѣлъ, быть можетъ, передъ глазами схему Терпандра, но могъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ и самостоятельно. Вообще, Каллимахъ—одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые умѣютъ искусно пользоваться наслѣдіемъ великихъ эпохъ. Два остальные гимна менѣе удачны Въ гимнѣ къ Дэлу не обошлось даже безъ курьезовъ,—прославляя странствованія и страданія Лето, Каллимахъ поручаетъ утѣшать ее еще не родившемуся младенцу-Аполлону! Гимны Каллимаха важны, между прочимъ, потому, что содержатъ массу свѣдѣній о культахъ различныхъ божествъ и разныхъ мѣстностяхъ. Несмотря, однако, на ихъ религіозное содержаніе, въ нихъ, какъ мы уже замѣчали, видны слѣды реализма, хотя, казалось бы, изъ всѣхъ родовъ поэзіи именно гимны менѣе другого доступны реализму. Иниціатива въ данномъ случаѣ при надлежитъ Каллимаху.

На-ряду съ достоинствами гимны Каллимаха

не свободны и отъ крупныхъ недостатковъ. Его боги и люди не всегда являются такими, какими мы привыкли рисовать ихъ себѣ, благодаря сложившимся о нихъ представленіямъ, принимая во вниманіе характеръ того или другого изъ нихъ—а такими, какими желаетъ представить ихъ самъ авторъ, ученый поэтъ, далекій отъ жизни и обстановки давно минувшихъ временъ. Затѣмъ религіозное назначеніе гимновъ, казалось, должно было бы заставить автора возвышаться надъ мелкими житейскими разсчетами; но желаніе заслужить милость двора, возвеличивая его, и стараніе угодить царственному покровителю, пріобрѣсти черезъ это почести и богатство, проглядываетъ, къ сожалѣнію, и въ молитвахъ Каллимаха. Получая содержаніе отъ милостей Птолемэевъ, ученый поэтъ роняетъ свое достоинство—безстыдною лестью правителямъ и правительницамъ Эгипта. Онъ пользуется каждымъ случаемъ чтобы восхвалять династію своихъ покровителей—Птолемэевъ и внушать народу священную обязанность повиноваться власти, установленной богами. Сила, въ его глазахъ, равна праву; царь соединенъ тѣснѣйшимъ союзомъ съ богами. Особенно противная, хотя и тонкая, лесть династамъ—Птолемэю Филадельфу—въ концѣ перваго гимна (ст. 86 сл.). Рядомъ съ этимъ — какъ это ни странно! — уживается наклонность придворнаго поэта вносить въ поэзію представленія и языкъ простолюдина, изображать его обстановку и свойственныя ему заботы и радости.

Несмотря на крупные недостатки Каллимаха, какъ поэта, и отрицательныя стороны его, какъ человѣка, его продолжали читать и объяснять въ школахъ вплоть до царствованія Юстиніана, слѣдовательно около восьми столѣтій. Вскорѣ послѣ этого произведенія его погибли цѣликомъ, такъ какъ шесть дошедшихъ до насъ его гимновъ сохранились всего въ одной рукописи, полной ошибокъ, но съ рѣдкими интерполяціями, съ слѣдующими за ними гимнами псевдо-Орфея, Гомера, Прокла и др. Вошли-ли въ это собраніе всѣ гимны нашего автора, сказать трудно, хотя всѣ стихи изъ гимновъ, цитируемые древними, читаются и въ нашемъ сборникѣ. Но этотъ аргументъ въ пользу ихъ цѣлости очень ненадеженъ. Быть можетъ, тотъ или иной гимнъ, попавшій въ сборникъ, затерялся, какъ то было, напримѣръ, съ гимномъ къ Гермесу, псевдо-Гомера. Очень много стиховъ изъ гимновъ сохранилось въ произведеніяхъ позднѣйшихъ грамматиковъ, въ особенности Элія Геродіана, Павсанія и Діогеніана, благодаря чему можно было исправить ошибки рукописей. Дошедшія до насъ схоліи къ гимнамъ не отличаются цѣнностью и принадлежатъ не древнимъ комментаторамъ, а византійцамъ.

V.

Въ 1423 году сициліецъ Іоаннъ Авриспа привезъ изъ Константинополя въ Венецію, вмѣстѣ съ 237 другими манускриптами, единственную рукопись нашихъ гимновъ, родоначальницу всѣхъ существующихъ въ настоящее время рукописей. Она была написана строчными буквами и относилась къ XI или вѣрнѣе къ XII вѣку. Большая часть ея текста читалась легко, но нѣсколько стиховъ и части стиховъ въ послѣднихъ гимнахъ Каллимаха и первыхъ гимнахъ Гомера попортились вслѣдствіе сырости и времени. Кодексъ этотъ погибъ, какъ погибли и два списка, вѣроятно, сдѣланные съ него въ Италіи, въ XV вѣкѣ, Авриспой и Филельфомъ; но, къ счастью, уцѣлѣло девять копій съ послѣднихъ, снятыхъ почти всѣ въ томъ же вѣкѣ. Кромѣ того, чтеніе архетипа спорно лишь въ очень немногихъ мѣстахъ, такъ что нельзя слишкомъ жалѣть объ его утратѣ. Другой кодексъ, съ котораго было снято много копій и сдѣланы всѣ изданія Каллимаха, начиная съ флорентійскаго Editio princeps 1495 или 1496 г. Іоанна Ласкариса, — такъ называемый Codex Laurentianus. Текстъ гимновъ Каллимаха почти безъ пробѣловъ; если и есть пробѣлы, они чрезвычайно незначительны.

Изданій Каллимаха довольно много, какъ отдѣльныхъ, такъ и вмѣстѣ съ произведеніями Біона, Мосха и Теогнида; но литература о немъ не велика. Первое изданіе, принадлежащее, какъ мы уже говорили выше, Ласкарису, рѣдчайшая книга, безъ обозначенія года и мѣста печати, въ 4°, заключаетъ въ себѣ краткія схоліи къ Каллимаху и нѣсколько стиховъ издателя. Самое полное и лучшее изданіе текста всѣхъ произведеній

Каллимаха и отрывковъ принадлежитъ O. Schneider'у (Leipzig, 1870—73). Первая часть его содержитъ гимны Каллимаха со схоліями и эпиграммы, вторая—отрывки и комментарій вмѣстѣ со словаремъ. Новѣйшее изданіе гимновъ и эпиграммъ нашего автора, безъ схолій, сдѣлано U. Wilamowitz-Moellendorff'омъ (Berlin. 1897²).

На русскомъ—или вѣрнѣе на «словенскомъ»—всѣ гимны Каллимаха изданы Мартыновымъ. Спб. 1823. Отдѣльные гимны переведены Мерзляковымъ—и, по обыкновенію, чрезвычайно вольно и небрежно—въ его «Подражаніяхъ и переводахъ», ч. II, именно: Аполлону (стр. 17—23), Купальня Минервы (стр. 28—34) и Церерѣ (стр. 35—43). Но довольно удачныя попытки переводить Каллимаха, правда, съ французскаго, встрѣчаются еще раньше. Такъ въ «Иртышѣ, превращающемся въ Ипокрену», переведенъ (1790. Августъ, стр. 32 сл.) Ив. Лаф(иновымъ) гимнъ Зевсу, далѣе, въ журналѣ «Ипокрена» (1800 г., ч. VI, стр. 97 — 109), П. Л(ьвовымъ) — гимнъ Деметрѣ и въ томъ же журналѣ за 1801 г. (ч. X, стр. 97—106), тоже П. Львовымъ—гимнъ на купанье Аѳины *).

---

*) За сообщеніе послѣдняго, помѣщеннаго въ рѣдчайшемъ журналѣ, приносимъ глубокую благодарность Г. В. Юдину въ Красноярскѣ.

Изъ гимновъ.

Зевсу.

(I).

При возліяніяхъ въ честь Зевса можно-ли прославлять съ бо́льшимъ правомъ кого-либо другого, кромѣ самого бога, вѣчно великаго, вѣчно царя, побѣдителя гигантовъ, судью боговъ?

Но какъ намъ прославлять его,—какъ Зевса Критскаго, или же какъ Аркадскаго?... Мою душу мучитъ сильное сомнѣніе: мѣсто его рожденія спорно. По словамъ однихъ, ты, Зевсъ, родился въ горахъ Крита, другіе же считаютъ твоею родиною, Зевсъ, Аркадію. Кто лжетъ изъ нихъ обоихъ, владыко?... „Критяне вѣчные лжецы"... [1]) Такъ, критя́не выстроили тебѣ, царь, гробницу, между тѣмъ ты не умиралъ никогда, ты вѣченъ [2]). Рея родила тебя въ Аркадіи, тамъ, гдѣ одна изъ ея горъ всего гуще поросла кустарникомъ. Съ тѣхъ поръ это мѣсто священно: туда не ходитъ ни одно животное на сносѣ, ни одна женщина. Аркадцы зовутъ его „священною родильною кроватью Реи".

Когда она родила тебя здѣсь изъ своего обширнаго чрева, она тотчасъ стала искать рѣчной потокъ, гдѣ могла бы смыть грязь послѣ родовъ и вымыть свое тѣло. Но тогда еще не протекалъ ни многоводный Ладонъ, ни Ерим antъ, одна изъ

самыхъ чистыхъ рѣкъ,—вся Аркадія оставалась еще безводной. Однако, она должна была сдѣлаться многоводной. Правда, въ то время какъ Рея родила, много высокихъ старыхъ дубовъ росло на рѣкѣ Іаонѣ, много телѣгъ ѣздило по Мелану, много звѣрей устраивали свои логовища на нынѣшней рѣкѣ Каріонѣ, пѣшеходъ шелъ по Кратидѣ и каменистому руслу Метопы, страдая жаждой,—но подъ его ногами воды было въ изобиліи. Въ такомъ затруднительномъ положеніи владычица Рея сказала: „Милая Гея, роди и ты,—твои роды легки!“ Такъ говорила богиня и, поднявъ свою сильную руку, ударила жезломъ по горѣ. Гора дала широкую трещину, и изъ нея брызнула большая струя воды. Тогда богиня вымыла тебя, владыко, завернула въ пелёнки и передала Недѣ, поручивъ ей снести тебя въ пещеру на Критѣ и тайно воспитывать тамъ,—Недѣ, самой извѣстной изъ нимфъ, помогавшихъ тогда ей при родахъ и старшей послѣ Стиги и Филиры. Богиня горячо отблагодарила ее,—она назвала ту рѣку Недой. Она многоводна съ самаго начала и впадаетъ въ море къ югу отъ основаннаго кавконами Лепрія, древнѣйшая изъ рѣкъ, воду которой пьютъ потомки превращенной въ медвѣдицу дочери Ликаона *). Нимфа оставила Тены—Тены находились недалеко отъ Кносса—и понесла тебя, отецъ Зевсъ, въ Кноссъ, когда у тебя, владыко, отпалъ пупокъ, вслѣдствіе чего критяне позже назвали ту равнину „Омфаловой“ *). Подруги корибантовъ, критскія нимфы ясеней, взяли тебя на руки, Зевсъ, а Адрастія уложила тебя спать въ золотую люльку. Сосалъ ты густое молоко козы Амалтеи и заѣдалъ его сладкимъ медомъ,—въ горахъ Иды, называемыхъ Панакрами, неожиданно появился медъ летающихъ съ цвѣтка на

*) Аркадцы, по сыну Каллисто, Аркаду.

цвѣтокъ *) пчелъ. Куреты исполняли вокругъ тебя свой шумный танецъ, въ полномъ вооруженіи, при чемъ ударяли о щиты, чтобы звукъ отъ удара о щитъ доходилъ до слуха Крона и заглушалъ твои крики.

Быстро росъ и благополучно воспитывался ты, Зевсъ, царь небесный. Въ короткое время ты превратился въ молодого человѣка; вскорѣ у тебя сталъ пробиваться первый пушокъ; но еще ребенкомъ все, что ни говорилъ ты, носило печать совершенства. Вотъ почему и твои родные братья, хотя и старше тебя, охотно уступили тебѣ небо, назначенное въ удѣлъ быть твоимъ жилищемъ. Древніе поэты ошибались,—по ихъ словамъ, жребій назначилъ каждому изъ трехъ дѣтей Крона, гдѣ имѣть ему свое мѣстопребываніе. Но кто-же станетъ кидать жребій объ Олимпѣ и адѣ? **). — Развѣ глупецъ! Бросать жребій слѣдуетъ о чемъ-либо равномъ между собою, тогда какъ между тѣми предметами огромная разница. Если бъ мнѣ пришлось солгать, я постарался бы, по крайней мѣрѣ, убѣдить своихъ слушателей. Не жребій сдѣлалъ тебя царемъ боговъ, но твои подвиги, твоя Сила и Могущество, которыхъ ты посадилъ возлѣ своего трона. Царя птицъ ты сдѣлалъ вѣстникомъ своихъ знаменій; молю, посылай друзьямъ моимъ—счастливыя! Ты взялъ подъ свое покровительство лучшихъ изъ людей, но не моряковъ, не мужественныхъ солдатъ, не поэтовъ, — это ты предоставилъ низшимъ богамъ, ввѣрилъ другихъ чужимъ заботамъ,—ты выбралъ себѣ самихъ царей, которымъ подчиненъ и земледѣлецъ, и солдатъ, и морякъ, словомъ, все,—что̀ не подвластно царю! Такъ мы называемъ кузнецовъ дѣтьми Гефеста, солдатъ—Арея, охотниковъ—дѣтьми Ар-

*) Πανακρίς, оттуда Πάνακρα.

**) Schneider видитъ здѣсь пропускъ.

темиды - Хитоны, искусныхъ игроковъ на лирѣ,— Аполлона, но „цари—потомки Зевса“ [4]). Священнѣе царей для Зевса нѣтъ никого. Вотъ почему ты уступилъ имъ свою обязанность, ввѣрилъ власть надъ государствами, самъ же сидишь въ акрополяхъ и смотришь, кто управляетъ своимъ народомъ справедливо и кто наоборотъ. Ты далъ имъ богатство и сдѣлалъ ихъ достаточно счастливыми, всѣхъ, хотя и не въ равной степени. Примѣромъ можетъ служить нашъ государь, въ данномъ отношенiи оставившiй другихъ далеко позади себя. Вечеромъ онъ уже приводитъ въ исполненiе задуманное имъ утромъ, вечеромъ—самое главное, менѣе же важное—въ тотъ моментъ, когда думаетъ о немъ. Другимъ на это нуженъ годъ, иногда и болѣе. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ ты лично дѣлалъ неудачными планы другихъ, разбивалъ ихъ усилiя.

Громкая слава тебѣ, самый могущественный изъ сыновей Крона, податель благъ, податель счастiя! Можно-ли воспѣть твои подвиги? Нѣтъ, этого не было и не будетъ!—Можно-ли воспѣть подвиги Зевса? Слава тебѣ, владыко, дважды слава! Сдѣлай насъ нравственными и богатыми! Богатство безъ нравственныхъ достоинствъ не въ состоянiи сдѣлать людей счастливыми, какъ и нравственныя достоинства—безъ богатства. Дай же нравственныя достоинства и богатство! [5]).

Артемидѣ.

(III).

Будемъ славить Артемиду—поэтамъ опасно забывать ее, покровительницу стрѣльбы изъ лука и охоты за зайцами, богиню, въ честь которой танцуетъ многочисленный хоръ [6]) и которой милы горы!

Разскажемъ, прежде всего, какъ она, еще крошечнымъ ребенкомъ, сидя на отцовскихъ колѣнахъ, говорила отцу: „Батюшка, позволь мнѣ оставаться вѣчно дѣвственною и носить множество именъ [7])—что бы Аполлонъ не могъ спорить въ этомъ со мною! Дай мнѣ стрѣлы и лукъ... Но нѣтъ, батюшка, мнѣ не надо отъ тебя ни колчана, ни большого лука,—киклопы живо скуютъ мнѣ стрѣлы и сдѣлаютъ гибкiй лукъ—дай мнѣ факелъ и позволь носить обшитую бахромой рубашку до колѣнъ, чтобы она не мѣшала мнѣ убивать дикихъ звѣрей! Дай мнѣ хоръ и шестьдесятъ дочерей Океана [8]); всѣ онѣ должны имѣть по девяти лѣтъ и всѣ быть еще незрѣлыми. Въ прислужницы дай мнѣ двадцать амнисскихъ нимфъ. Пусть онѣ смотрятъ за моими охотничьими сапогами и быстрыми собаками, когда я не охочусь на рысей или на оленей. Предоставь въ мое распоряженiе всѣ горы, изъ городовъ же удѣли мнѣ какой-нибудь одинъ, какой хочешь,—Артемида будетъ рѣдко посѣщать города,—я стану жить въ горахъ и войду въ людскiе города тогда лишь, когда, мучась родами, женщины начнутъ звать меня на помощь: мэры съ перваго дня моего рожденiя назначили мнѣ быть помощницей при родахъ, такъ какъ мать ходила мной и родила меня безъ страданiй, разрѣшилась мной безболѣзненно“.

Такъ говорила дѣвочка и хотѣла ухватить отца за бороду, но много разъ попусту протягивала рученки, пока, наконецъ, не достала ее. Отецъ съ улыбкой кивнулъ ей головой и сказалъ, гладя ее: „Если бъ богини рожали мнѣ такихъ ребятъ, я не сталъ бы обращать много вниманiя на злость ревнивой Геры. У тебя, дитя мое, будетъ все, о чемъ ты просишь сама; мало того, отецъ дастъ тебѣ и другое, еще большее. Дамъ тебѣ вмѣсто одного города цѣлые тридцать городовъ, и эти тридцать городовъ не будутъ при-

знавать никакого другого бога, кромѣ одной тебя, и считаться принадлежащими Артемидѣ [9]). Много городовъ на материкѣ и островахъ выдѣлю я тебѣ и вмѣстѣ съ другими, и во всѣхъ нихъ будутъ алтари и священныя рощи Артемиды. Кромѣ того, ты будешь покровительницей дорогъ и гаваней". И съ этими словами онъ, въ знакъ подтвержденія своего обѣщанія, кивнулъ головою.

Тогда дѣвочка пошла къ поросшимъ лѣсомъ Бѣлымъ горамъ *), затѣмъ къ океану и набрала себѣ множество нимфъ, по девяти лѣтъ каждая и каждая же еще незрѣлая. И очень радъ былъ богъ рѣки Кэрата, рада была Теѳія, что послали своихъ дочерей въ провожатыя дочери Леты.

Послѣ этого Артемида отправилась къ киклопамъ и нашла ихъ на островѣ Липарѣ—Липара названіе новое, въ то время островъ назывался Мелигунидою. Они стояли въ кузницѣ Гефэста вокругъ куска раскаленнаго желѣза: они были заняты большою работою,—ковали колоду для лошадей Посидона. Испугались нимфы, увидѣвъ страшныя чудовища,—похожія на вершины Оссы, каждое съ единственнымъ глазомъ на лбу, величиной съ щитъ изъ четырехъ слоевъ бычачьихъ кожъ, грозно сверкавшимъ,—и услышавъ звукъ отъ ударовъ о наковальню, сильный вѣтеръ, поднимаемый мѣхами, и ихъ громкое пыхтѣнье. Отъ этихъ звуковъ гудѣла Этна, гудѣла населенная сиканами Сицилія, гудѣла сосѣдняя съ нею Италія, громко гудѣла и Корсика, когда киклопы, поднявъ выше плечъ свои молоты и вынувъ изъ печи кусокъ раскаленной мѣди или желѣза, начинали бить по немъ поочередно. Вотъ почему даже смѣлыя до-

*) Schneider видитъ здѣсь пропускъ одного стиха, дополняемый имъ такъ: λέξαθ' ἵν' 'αμφιπόλους 'Αμνισίδας εἴκοσι νύμφας κτλ.

чери Океана не могли ни глядѣть на нихъ прямо, ни слушать отдававшагося въ ихъ ушахъ стука. И неудивительно,—на что ужъ вполнѣ взрослыя дочери боговъ, а и тѣ никогда не могутъ безъ страха смотрѣть на киклоповъ. Если, напримѣръ, какая-нибудь дѣвочка на небѣ вздумаетъ не слушаться матери, мать начинаетъ грозить ребенку, что позоветъ Арга или Стеропа [10]). Изъ уголка комнаты неожиданно является вымазанный сажей Гермесъ и сейчасъ же принимается стращать дѣвочку, которая, въ такихъ случаяхъ, закрываетъ личико руками и старается спрятаться на груди у мамы. Ты же, богиня, когда до этого Лета принесла на рукахъ тебя, всего-то трехлѣтняго ребенка, къ Гефэсту, приглашавшему къ себѣ получить отъ него подарки за посѣщеніе [11]), и Бронтъ усадилъ тебя къ себѣ на крѣпкія колѣна,—ты выщипала изъ его широкой груди косматые волосы, съ силой вырвала ихъ, отчего середина его груди и до сихъ поръ остается безволосой, какъ, напримѣръ, истребляетъ растительность на головѣ человѣка появившаяся у него плѣшивость [12]). Ничуть не робѣя, Артемида сказала тогда киклопамъ: „Выкуйте и мнѣ, киклопы, критскій лукъ и стрѣлы съ колчаномъ,—вѣдь и я, наравнѣ съ Аполлономъ, дочь Леты! Если я убью своими стрѣлами кабана или какую-нибудь другую крупную дичь, я отдамъ ее на обѣдъ киклопамъ". Такъ говорила ты. Они исполнили твою просьбу, и ты, богиня, тотчасъ взяла съ собой свое оружіе.

Быстрыми шагами отправилась ты искать себѣ собакъ и пришла въ Аркадію, въ гротъ Пана. Онъ въ это время рѣзалъ мясо мэнальской рыси, собираясь кормить имъ своихъ щенившихся сукъ. Нашъ бородачъ далъ тебѣ двухъ собакъ наполовину черной наполовину бѣлой масти, трехъ вислоухихъ и одну пеструю,—онѣ валятъ навзничь даже львовъ и, схвативъ за спину, та-

щать еще живыми въ гротъ — затѣмъ семь, спартанскихъ собакъ [13]) быстрѣе вѣтра, собакъ, скорѣй другихъ умѣющихъ гоняться за молодыми оленями и никогда не закрывающимъ глаза зайцемъ и отыскивать мѣсто, гдѣ лежитъ олень, нору ежа или наводить на слѣдъ серны.

Возвращаясь отсюда,—вмѣстѣ съ тобой бѣжали и собаки—ты нашла у подошвы горы Паррасія красивое стадо скачущихъ оленей. Они постоянно паслись на покрытыхъ чернымъ пескомъ берегахъ; ростомъ они были крупнѣе быка, рога ихъ отливали золотомъ. Ты удивилась, благодаря неожиданности, и сказала въ душѣ: „Эта первая охотничья добыча была-бы достойна Артемиды!“ Всѣхъ оленей было пять штукъ. Ты быстро побѣжала и, не спуская собакъ, поймала четырехъ, чтобы запречь въ свою быстро ѣдущую колесницу. Одинъ олень, по внушенію Геры, убѣжалъ, переплылъ рѣку Келадонтъ и скрылся на горѣ Керинеѣ, чтобы сдѣлаться позже трофеемъ Геракла.

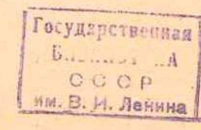
Артемида дѣвственница, убійца Титія! Изъ золота твое оружіе и поясъ, въ золотой ѣздишь ты колесницѣ и золотыми же вожжами правишь, богиня, своими оленями! Гдѣ въ первый разъ вошла ты въ свою запряженную рогатыми оленями колесницу? — На Гэмѣ, во Ѳракіи, откуда дуетъ порывистый холодный вѣтеръ, неся съ собой жестокую стужу для тѣхъ, у кого нѣтъ теплаго платья. Гдѣ срубила ты свой факелъ, отъ какого огня зажгла его? — Ты срубила его на Олимпѣ, въ Мисіи, а зажгла отъ вѣчнаго огня, выходящаго изъ молній твоего отца... Сколько разъ пробовала ты, богиня, свой серебряный лукъ? Первый разъ ты выстрѣлила изъ него въ вязъ, второй—въ дубъ, въ третій—въ звѣря, но въ четвертый уже не въ дубъ, *) —нѣтъ, ты пу-

*) По мнѣнію Schneider'а, здѣсь не достаетъ одного стиха.

стила свои стрѣлы въ городъ нечестивцевъ, сдѣлавшихъ цѣлый рядъ преступленій и другъ противъ друга, и противъ чужихъ. Несчастны тѣ, надъ кѣмъ разразилось твое ужасное мщеніе: чума уничтожаетъ ихъ скотъ, морозъ — ихъ хлѣбъ; старики стригутъ себѣ голову въ знакъ траура по своимъ сыновьямъ; пораженныя твоими стрѣлами беременныя женщины или умираютъ, или, спасшись бѣгствомъ, разрѣшаются, но выкидышемъ. Зато у тѣхъ, на кого ты взглянешь съ ласковою улыбкою, милостиво, колосится хлѣбъ на поляхъ, плодится скотъ, сами же они еще больше богатѣютъ и сходятъ въ могилу лишь въ глубокой старости [14]). Вражда, уничтожающая и крѣпко стоящіе дома, не разрушаетъ ихъ семьи, напротивъ, въ ней золовки сидятъ за однимъ столомъ съ невѣстками. Среди нихъ, богиня, пусть будутъ и мои искренніе друзья, пусть буду и самъ я, владычица, и пусть никогда не изсякаетъ у меня даръ пѣсенъ, гдѣ я прославлялъ-бы бракъ Леты, много разъ — тебя, — и тебя, Аполлонъ, — всѣ твои подвиги, твоихъ собакъ, лукъ и колесницу, которая быстро везетъ тебя, на удивленье другимъ, когда ты ѣдешь во дворецъ Зевса!

Здѣсь тебя встрѣчаетъ въ дверяхъ цѣлитель Гермесъ и беретъ у тебя оружіе, Аполлонъ— привезеннаго тобою звѣря. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ онъ раньше, пока не было на свѣтѣ силача-Геракла. Въ настоящее время Аполлонъ больше этимъ не занимается, его мѣсто заступилъ неутомимый тиринѳянинъ. Онъ вѣчно стоитъ у дверей, поджидая, не явится ли кто съ жирнымъ кускомъ съѣстного. Всѣ боги безконечно хохочутъ надъ нимъ, въ особенности его теща, *), когда онъ начинаетъ вытаскивать изъ колесницы огромнаго зубра или тянуть за зад-

*) Гера.

нюю ногу еще дрыгающаго кабана, при чемъ обращается къ тебѣ, богиня, съ лукавою и горячо убѣдительною рѣчью: „Истребляй, богиня, вредныхъ животныхъ, чтобы люди называли тебя, какъ и меня, своею защитницей. Сернъ и зайцевъ оставь въ покоѣ — пусть они живутъ себѣ въ горахъ! Ну, чѣмъ вредны серны или зайцы?.. А вотъ кабаны дѣйствительно портятъ пашни, кабаны же портятъ и виноградники. Да и зубры очень опасны людямъ. Убивай и ихъ!" Съ этими словами онъ немедленно принимается за огромнаго звѣря, — онъ не вылѣчился отъ обжорливости, хотя на кострѣ во Фригіи, подъ тѣнью дуба, и превратился изъ человѣка въ бога. Онъ еще такъ же голоденъ, какъ тогда, когда встрѣтился съ пахавшимъ землю Тіодамантомъ. [15])

Между тѣмъ амнисскія нимфы распрягаютъ твоихъ оленей, чистятъ скребницей и, нарѣзавъ съ луга Геры быстро растущаго трилистника, которымъ кормятъ и лошадей Зевса, вдоволь задаютъ корму оленямъ, затѣмъ наливаютъ воды въ золотую колоду, чтобы доставить имъ удовольствіе, напоивъ ихъ. Лично ты идешь во дворецъ отца. Всѣ боги приглашаютъ тебя сѣсть возлѣ нихъ, но ты садишься рядомъ съ Аполлономъ.

Когда хоръ нимфъ окружаетъ тебя возлѣ водъ эгипетскаго Инопа, [16]) Питаны, — и Питана принадлежитъ тебѣ — въ Лимнахъ или тогда, когда ты, богиня, вернувшись изъ Скиѳіи, поселишься въ Галахъ Арафенидскихъ, гнушаясь обрядами тавровъ, пусть мои быки не пашутъ за плату большой участокъ земли, подъ управленіемъ чужого пахаря! Въ противномъ случаѣ, они вернулись бы въ свой хлѣвъ съ утомленными ногами и шеей, хотя бы были деятигодовалые стимфэйскіе, съ крѣпкими рогами чрезвычайно легко проводящіе глубокія орозды,—богъ Солнца никогда не проходитъ мимо этого чуднаго хора,

но останавливаетъ свою колесницу и начинаетъ любоваться имъ, удлинняя этимъ день.

Какой же островъ, какая гора, какая гавань, какой городъ нравятся тебѣ всѣхъ больше? Какую нимфу любишь ты сильнѣй остальныхъ, какихъ героинь выбрала ты въ подруги себѣ? Скажи мнѣ, богиня, а я сообщу другимъ.

Изъ острововъ ты любишь больше Долиху, изъ городовъ—Пергу, изъ горъ—Тайгетъ, изъ гаваней—гавани Еврипа. Изъ нимфъ сильнѣй другихъ любила ты критянку, мѣткую охотницу за оленями—Бритомартиду. Однажды въ нее безумно влюбился Миной и сталъ преслѣдовать ее по горамъ Крита. Нимфа скрывалась иногда подъ густыми вѣтвями дуба, а подчасъ и въ болотахъ. Девять мѣсяцевъ взбирался царь на крутизны и скалы, не прекращая преслѣдованія, пока не догналъ ее. Онъ почти схватилъ ее; но она бросилась съ высокой скалы въ море и попала въ спасшія ее рыбачьи сѣти, вслѣдствіе чего критяне позже назвали нимфу Диктинной, а скалу, съ которой кинулась нимфа,—диктэйскою, поставили въ честь ея алтари и начали приносить ей жертвы. Въ тотъ день не носятъ вѣнковъ сосновыхъ или мастичнаго дерева, какъ не берутъ въ руки мирты. Красавица, свѣтоносная царица Артемида, критяне и тебѣ даютъ прозвище той нимфы! [17]).

Твоей подругой была и Кирена. Однажды ты дала ей двухъ охотничьихъ собакъ, благодаря которымъ дочь Гипсея одержала побѣду возлѣ могилы Пелія. Ты, богиня, выбрала себѣ подругой для охоты и бѣлокурую жену сына Дейона, Кефала. Говорятъ, ты любила, какъ свои глаза, и красавицу Антиклею. Онѣ первыми стали носить съ собой быстрыя стрѣлы и колчанъ за плечами, при чемъ ихъ правое плечо и грудь оставались всегда открытыми. Затѣмъ ты горячо любила дочь аркадца Ясія, охотницу на кабановъ, бы-

строногую Аталанту; ты выучила ее охотиться и мѣтко стрѣлять изъ лука. Знаменитые охотники на калидонскаго кабана не могутъ жаловаться на нее,—она вернулась въ Аркадію съ побѣдными трофеями. Клыки звѣря цѣлы еще до сихъ поръ. Напрасно думаютъ Гилэй и безумецъ Рэкъ [18])—не смотря на всю свою ненависть—поднять на смѣхъ, въ загробномъ мірѣ, твое искусство стрѣлять изъ лука: ихъ уличаютъ во лжи ихъ ноги, кровь которыхъ забрызгала вершины Мэнала.

Слава тебѣ, живущая въ Милетѣ Хитонія, богиня, пребывающая во многихъ мѣстахъ, покровительница многихъ городовъ! Тебя взялъ Нелей [19]) проводницей, когда уѣхалъ съ флотомъ изъ Аѳинъ. Одна изъ старшихъ богинь, богиня Хесія и Имбраса, въ твой храмъ пожертвовалъ Агамемнонъ руль своего корабля, чтобы умилостивить тебя и дать возможность флоту выйти въ море,—въ наказаніе ему ты запретила дуть вѣтрамъ, въ то время какъ греческіе корабли сбирались плыть разорять троянскіе города въ отомщеніе за рамнунтянку Елену.! И Прэтъ выстроилъ тебѣ два храма, одинъ какъ Коріи, — ты собрала дѣвушекъ, скитавшихся по Азенскимъ горамъ, другой, въ Луссахъ, какъ Гемерѣ,—ты вылечила его дочерей отъ сумасшествія [20]). Статую тебѣ поставили однажды на берегу, подъ букомъ, въ Ефесѣ, и воинственныя амазонки, Гиппо́ же принесла тебѣ жертву. Амазонки въ это время исполнили сперва военный танецъ съ оружіемъ и щитами, затѣмъ встали въ кругъ, образовавъ большой хоръ [21]). Онѣ отбивали всѣ вмѣстѣ тактъ ногами, подъ громкій аккомпаниментъ дудокъ съ высокими тонами,—тогда ихъ не дѣлали еще изъ оленьихъ костей, какъ то придумала позже Аѳина, на бѣду оленямъ. Эхо доносилось до Сардъ и берекинтскаго округа. Громко топали ногами амазонки, шумя своими колчанами. Впослѣдствіи возлѣ статуи выстроили знаменитый, поражающій своими размѣрами храмъ, величественнѣе и богаче котораго никогда не придется увидѣть солнцу. Безъ сомнѣнія, онъ превосходитъ храмъ Аполлона. Дерзкій сумасбродъ Лигдамидъ грозилъ разрушить его и съ этой цѣлью привелъ многочисленныя, какъ песокъ, полчища пьющихъ кумысъ скиѳовъ, живущихъ у самаго Босфора. Но, жестоко ошибшись въ разсчетахъ, онъ оказался несчастнѣйшимъ изъ царей: ни самому ему, ни другимъ изъ числа тѣхъ, кто разъѣзжалъ на колесницахъ по равнинѣ Каистра, не суждено было вернуться въ Скиѳію; твои стрѣлы всегдашнія защитницы Ефеса [22]).

Слава тебѣ, богиня Феръ [23]), покровительница гавани Мунихіи! Пусть остерегаются отказывать въ почитаніи Артемидѣ,—неудачно кончились сраженія въ стѣнахъ столицы для Энея, не почтившаго ее жертвой,—спорить съ ней въ искусствѣ охотиться на оленей и стрѣлять изъ лука,—дорого поплатился за свое хвастовство сынъ Атрея—покушаться на ея дѣвственность,—ни Отъ [24]), ни Оріонъ не могли поздравить себя со счастливою свадьбой—или уклоняться отъ ежегоднаго танца въ честь ея,—Гиппо́ пришлось плакаться за свой отказъ плясать вокругъ ея алтаря! Слава тебѣ, великая царица! Будь милостива къ поэту!

На омовеніе статуи Аѳины.

(V).

Выходите всѣ тѣ, кому поручено омывать статую Аѳины, выходите!—Сейчасъ я услыхалъ фырканье священныхъ лошадей. Скоро съ торжествомъ должна придти богиня. Торопитесь-же, бѣлокурыя аргивянки, торопитесь! Никогда не мыла сильныхъ своихъ рукъ Аѳина, не очистивъ лоша-

дей отъ пыли, даже тогда, когда возвращалась изъ сраженія съ преступными гигантами, съ оружіемъ, совершенно забрызганнымъ кровью, смѣшанною съ грязью, — нѣтъ, она прежде всего выпрягла лошадей изъ колесницы, смыла съ нихъ потъ и пыль въ водахъ океана, затѣмъ счистила съ лошадиныхъ мордъ всю застывшую на нихъ пѣну. Идите, гречанки, но помните, не берите съ собой ни духовъ, ни благовоній,— я слышу стукъ колесъ—помните, не берите же, завѣдующія омовеніемъ, для Аѳины ни духовъ, ни благовоній—Аѳина не любитъ смѣси мазей—и не носите зеркала: лицо ея всегда прекрасно. Даже тогда, когда троянецъ рѣшалъ споръ на Идѣ, великая богиня не смотрѣлась ни въ мѣдное зеркало, ни въ прозрачныя воды Симоента, какъ и Гера. Зато Афродита, взявъ блестящее зеркало, не два раза, а нѣсколько, мѣняла свою прическу. Но Аѳина, сдѣлавъ большой путь,—по примѣру превращенныхъ въ звѣзды спартанцевъ съ береговъ Еврота *), намазалась привычною рукой простымъ масломъ посвященнаго ей деревца. Тогда, дѣвушки, на щекахъ ея заигралъ румянецъ, похожій на цвѣтъ утренней росы или розы, нето гранатоваго зернышка. Такъ и теперь принесите ей лишь немного употребляемаго мужчинами масла, которымъ мажутся Касторъ и Гераклъ. Захватите съ собой и, весь золотой, гребень, расчесать ей волосы и заплесть въ блестящую косу.

Выходи, Аѳина!—Тебя окружаетъ пріятный тебѣ хоръ дѣвушекъ, потомковъ знаменитаго Арестора [25]). По старинному аргосскому обычаю, Аѳина, несутъ и щитъ Діомеда **). Обычай этотъ ввелъ любимый твой жрецъ Евмедъ. Узнавъ однажды, что народъ задумываетъ убить его и

*) Діоскуровъ.

**) Быть можетъ, въ данномъ мѣстѣ въ текстѣ небольшой пропускъ.

исполнить свое намѣреніе, онъ немедленно бѣжалъ съ священною твоею статуей и поселился на горѣ Кріи. На Крійской горѣ онъ поставилъ и твою статую, на одной изъ крутыхъ скалъ, называющихся въ настоящее время «скалами Аѳины».

Выходи, Аѳина, разрушительница городовъ, владѣтельница золотого шлема, любящая стукъ лошадиныхъ копытъ и щитовъ! Сегодня, водоноски, не черпайте воды въ рѣкѣ,—сегодня населеніе Аргоса должно пить воду изъ родниковъ, не изъ рѣки! Сегодня, рабыни, ступайте съ кувшинами къ ключамъ Фисадіи или дочери Даная, Амимоны,—если Инахъ и принесетъ съ горъ, покрытыхъ богатыми пастбищами, свои струи, смѣшавъ ихъ съ золотымъ пескомъ *) и цвѣтами, онъ сдѣлаетъ это ради достойнаго омовенія Аѳины! Но помните, аргосцы,—берегитесь увидѣть царицу, хотя бы и противъ своего желанія!—Кто увидитъ обнаженною покровительницу городовъ Аѳину, послѣдній разъ полюбуется на родной Аргосъ! Выходи же, владычица Аѳина, а я пока разскажу кое-что этимъ дѣвушкамъ! Разсказъ свой я не выдумалъ, а передаю со словъ другихъ.

Аѳина, милыя дѣвушки, когда-то очень любила одну ѳиванскую нимфу,—любила, можно сказать, больше остальныхъ своихъ подругъ,—мать Тиресія. Она никогда не разставалась съ нею. Часто богиня сажала ее къ себѣ въ колесницу, отправлялась-ли на лошадяхъ въ древнія Теспіи, Корсіи, Галіартъ **),—проѣзжая по полямъ бэотійцевъ—въ Коронею съ ея душистою рощей, или къ алтарямъ, расположеннымъ по рѣкѣ Куралію. Не милы были ей ни разговоры съ нимфами, ни хороводы, если ихъ не водила Харикла... Но и

*) Вѣроятно, намекъ на попадавшіяся въ пескѣ крупинки золота.

**) Здѣсь Schneider видитъ пропускъ.

ее ждали горькія слезы, хоть она и была любимою подругой Аѳины.

Однажды онѣ раздѣлись и стали купаться въ находящемся на Геликонѣ красивомъ источникѣ Гиппокренѣ. Былъ полдень; на горѣ царила тишина. Обѣ—богиня и нимфа—мылись; на нашей горѣ царствовала глубокая тишина.

Въ это время Тиресій, у котораго только что начала пробиваться борода, завернулъ одинъ, со своими собаками, въ священное мѣсто. Ему страшно хотѣлось пить. Онъ—несчастный—подошелъ къ водѣ источника... и невольно увидѣлъ то, чего не слѣдовало! Не смотря на раздраженіе, Аѳина все-таки спросила его: „Какой злой рокъ побудилъ тебя, сынъ Евера, близкій слѣпецъ, выйти на эту роковую для тебя дорогу?..» Съ этими словами въ глазахъ молодого человѣка потемнѣло... Безмолвно стоялъ онъ,—ужасъ сковалъ члены, онъ потерялъ голосъ.—„Богиня, что ты сдѣлала съ моимъ сыномъ?!“ закричала нимфа, „это-ли ваша дружба, боги?! Ты ослѣпила моего сына! Бѣдное дитя, ты увидѣлъ прелести Аѳины... но больше не увидишь солнца! О, какъ я несчастна! Гора, Геликонъ, прочь съ моихъ глазъ навсегда! Ты далъ мало и получаешь много: за нѣсколькихъ убитыхъ сернъ и дикихъ козъ берешь зрѣніе мальчика!“ Такъ говорила мать и, обнявъ милаго сына, громко плакала, какъ жалобно плачутъ соловьи... Сжалилась богиня Аѳина надъ своею подругой и, въ отвѣтъ, сказала ей: «Возьми назадъ всѣ свои слова, вырвавшіяся у тебя, достойная женщина, въ раздраженіи!—Не я ослѣпила твоего сына. Лишать дѣтей зрѣнія не доставляетъ Аѳинѣ никакого удовольствія, нѣтъ, но вотъ что говорятъ законы Крона: [26]) кто увидитъ какого-либо бога, безъ личнаго желанія бога, тотъ жестоко поплатится за то, что увидѣлъ его. Достойная женщина, дѣло непоправимо: такова была судьба твоего сына съ перваго дня его рожденія! Неси же теперь, сынъ Евера, свою неизбѣжную долю! Сколько жертвъ сожжетъ впослѣдствіи дочь Кадма, сколько — Аристэй, молясь, чтобы увидѣть своего единственнаго сына, молодого Актэона, хотя бы слѣпымъ! Правда, онъ будетъ бѣгать съ великою Артемидой; но ни бѣганье его, ни стрѣльба вмѣстѣ съ нею изъ лука въ горахъ не спасутъ его, когда онъ невольно увидитъ купающуюся красавицу-богиню, нѣтъ, собственныя его собаки разорвутъ тогда своего прежняго господина, и мать выходитъ всѣ лѣса, пока соберетъ кости своего сына! Счастливѣйшей въ мірѣ женщиной назоветъ она тебя, отъ души позавидуетъ тебѣ, что тебѣ вернули сына съ горы, хотя слѣпымъ! Не сердись на меня, милая подруга,—ради тебя я награжу твоего сына взамѣнъ многимъ другимъ; я сдѣлаю его гадателемъ, знаменитымъ въ потомствѣ, далеко выше остальныхъ. Онъ будетъ знать, по полету птицъ, какая изъ нихъ счастлива, какая безразлична, какая зловѣща. Много оракуловъ дастъ онъ ѳиванцамъ, много Кадму и позже—знаменитымъ Лабдакидамъ. Я дамъ ему и большую палку, которая будетъ вѣрно указывать ему путь, дамъ ему и долгую жизнь. Одинъ онъ, послѣ смерти, станетъ жить среди тѣней, сохранивъ полный разумъ, уважаемый великимъ Гадесомъ».

Съ этими словами она кивнула головой, киваетъ же головой Аѳина въ знакъ того, что исполнитъ свое обѣщаніе. Изъ своихъ дочерей одной лишь Аѳинѣ, дѣвушки, передалъ Зевсъ всѣ свои права. Богиня эта родилась не отъ матери, но изъ головы Зевса. Зевсъ не киваетъ головой ложно, правду говоритъ—и дочь Зевса *).

Теперь Аѳина идетъ на виду у всѣхъ. Встрѣчайте же богиню, дѣвушки, на которыхъ возложена эта обязанность, благопожеланіями, молит-

---

*) Пробѣлъ въ стихѣ, пополненный Meineke.

вами и восклицаніями! Слава тебѣ, богиня! Храни Аргосъ, столицу Инаха! Слава тебѣ и тогда, когда ты покидаешь насъ, и тогда, когда возвращаешься на своей колесницѣ! Спаси всю Грецію!

Деметрѣ.

(VI).

Везутъ корзины; кричите же, женщины: «Громкая слава тебѣ, Деметра, благодатная богиня плодородія!» Везутъ корзины; не поднимайте же глазъ, непосвященные [27]), не смотрите ни съ крышъ, ни съ высокаго мѣста,—какъ дѣти, такъ женщины и дѣвушки,—и не плюйте натощакъ, сухимъ ртомъ!

Вечерняя звѣзда выглянула изъ облаковъ... Когда же увидимъ корзину?.. Одному лишь богу вечерней звѣзды удалось убѣдить Деметру напиться, когда она искала слѣды похищенной, безъ вѣсти пропавшей дочери. Какъ не измѣнили тебѣ ноги, богиня, въ то время, какъ ты побывала и на западѣ, и на востокѣ, гдѣ росли золотыя яблоки?—Ты не пила, не ѣла, даже не мылась. Три раза переходила ты черезъ быстрый серебристый Ахелой и столько же разъ переправлялась черезъ каждую изъ вѣчно текущихъ рѣкъ, три раза приходила ты къ колодцу Каллихору, голодная *), палимая солнцемъ, не пивши, не ѣвши и даже не мывшись. Нѣтъ, перестанемъ говорить о причинѣ слезъ Деметры,—скажемъ лучше, она дала людямъ прекрасные законы, скажемъ лучше, она первою научила жать хлѣбъ, вязать его въ красивые снопы и молотить съ помощью быковъ,—въ то время какъ Триптолемъ учился у

*) Стихъ этотъ пополняютъ различно, но неудачно. Мы придерживаемся коньектуры Schneider'а: τρὶς δ'ἐπὶ Καλλίχορον φρέαρ ἵκεο δαιτὸς ἄπαστος.

нея благодѣтельному искусству. Разскажемъ лучше, для того, чтобы удержать другихъ отъ преступленія,—какъ она заставила сына Тріопа испытывать ненасытный голодъ *).

Пеласги жили еще не въ Книдѣ, а въ плодородной дотійской равнинѣ, гдѣ посвятили Деметрѣ прекрасную рощу, съ множествомъ деревьевъ, сквозь которыя съ трудомъ могла пролетѣть стрѣла. Здѣсь были сосны, высокіе вязы, дикія груши и красивыя яблони съ сладкими плодами, затѣмъ ключъ, бившій прозрачною какъ янтарь водою. Богиня очень любила это мѣсто, любила не меньше Елевсина, Тріопія **) или Енны. Но вотъ добрый духъ разгнѣвался на дѣтей Тріопа, и дурная мысль овладѣла Ерисихтономъ. Тотчасъ взялъ онъ съ собой двадцать рабовъ,—всѣ они были въ цвѣтѣ силъ, всѣ огромнаго роста, способные поднять на плечахъ цѣлый городъ,—и вооружилъ сѣкирами и топорами. Дерзко вбѣжали они въ рощу, посвященную Деметрѣ.

Росъ въ ней одинъ тополь, громадное дерево, терявшееся вершиной въ облакахъ; въ полдень возлѣ него любили играть нимфы. Ему нанесли первый ударъ, и его стонъ донесся до другихъ деревьевъ. Узнала Деметра, что стонетъ одно изъ посвященныхъ ей деревьевъ, и вскричала въ раздраженіи: Кто смѣетъ рубить мои красивыя деревья?.. И тотчасъ превратилась она въ Никиппу, выбранную представителями города ея жрицею, и взяла въ руку нѣсколько вѣнковъ и маку; на плечѣ у ней былъ ключъ ***).—Дитя мое, кротко сказала она дерзкому негодяю, ты рубишь деревья, посвященныя богамъ!.. Остановись, дитя

*) Также пропускъ въ текстѣ, пополняемый различно.

**) Вмѣсто неудачнаго чтенія Wilamowitz-Moellendorff'а—Δρυόπα ὅσον.

***) Отъ храма, какъ у жрицы.

мое, дитя, горячо любимое отцомъ съ матерью!.. Перестань, прикажи уйти рабамъ, или навлечешь на себя гнѣвъ богини Деметры, святыню которой уничтожаешь!.. Но онъ сердито посмотрѣлъ на нее, злѣе, чѣмъ смотритъ на охотника, на горѣ Тмарѣ [28]), жестоко мучащаяся родами львица— говорятъ, въ это время ея взглядъ страшнѣй обыкновеннаго—и сказалъ: „Прочь, или я всажу въ тебя свой большой топоръ! Изъ этихъ деревьевъ я выстрою себѣ домъ и стану задавать въ немъ своимъ пріятелямъ пиры горой, одинъ за другимъ“. Такъ говорилъ молодой человѣкъ, и богиня Мщенія записала его преступныя слова.

Страшно разгнѣвалась Деметра и снова превратилась въ богиню. Ногами она касалась земли, головою—Олимпа [29]). Увидѣвъ передъ собою богиню, полумертвые отъ страха рабы немедленно разбѣжались, не успѣвъ вынуть изъ дерева топоры. Богиня не тронула ни одного изъ нихъ,— они поневолѣ исполняли приказаніе своего господина—но дерзкому ихъ хозяину сказала: „Такъ, такъ, отъявленный наглецъ, строй себѣ домъ для будущихъ пирушекъ! Часто придется тебѣ потомъ задавать угощенья!“ Только это и сказала она, но не оставила Ерисихтона безъ наказанія,— тотчасъ наслала на него страшный, лютый, жгучій, нестерпимый голодъ [30]). Ужасная болѣзнь истощала его. Чѣмъ больше ѣлъ несчастный, тѣмъ сильнѣй снова хотѣлось ему ѣсть. Двадцать человѣкъ готовили ему обѣдъ, двѣнадцать—подавали вино; такъ относилось и наказаніе, наложенное Діонисомъ, къ наказанію, наложенному Деметрой, — вмѣстѣ съ Деметрой осердился и Діонисъ.

Изъ стыда, отецъ и мать Ерисихтона перестали пускать его на пирушки или обѣды, при чемъ придумывали всевозможные предлоги. Сыновья Ормена [31]) пришли звать его на праздникъ Аѳины-Итоны; но мать отказала имъ: „Его нѣтъ

дома,—онъ ушелъ вчера въ Краннонъ, получить деньги за сотню быковъ“. Пришла мать Акторіона, Поликсо̀, сбиравшаяся женить сына, и хотѣла пригласить обоихъ, Тріопа и его сына; но убитая горемъ мать отвѣчала со слезами на глазахъ: „Тріопъ придетъ навѣрное, но Ерисихтонъ вотъ ужъ девять дней лежитъ, его ранилъ кабанъ въ красивой долинѣ Пинда...“ Чего только не выдумывала ты, бѣдная мать, любившая своего ребенка! Приглашаютъ на пирушку—„Ерисихтона нѣтъ дома“... Зовутъ на свадьбу,—„Ерисихтона ушибли дискомъ“, или онъ „упалъ съ лошади“, нето „считаетъ стада на Отріи...“ Онъ, между тѣмъ, цѣлый день сидѣлъ дома за столомъ и ѣлъ все въ невѣроятномъ количествѣ, но, пока ѣлъ, все сильнѣй и сильнѣй требовалъ пищи его ужасный желудокъ, и всѣ кушанья безслѣдно и безполезно исчезали въ немъ, точно въ безднѣ моря.

Какъ таетъ снѣгъ на Мимантѣ или восковая фигурка на солнцѣ; такъ таялъ, и даже еще скорѣе, Ерисихтонъ, пока не остались отъ него однѣ жилы, кости да кожа. Плакала его мать, громко рыдали обѣ сестры, его мамка, а часто и десять рабынь. Самъ Тріопъ рвалъ свои сѣдые волосы и такъ упрекалъ не слушавшаго его Посидона: „Нѣтъ, ты не мой отецъ! Но если я дѣйствительно твой сынъ отъ дочери Эола, Канаки, взгляни на своего внука,—этотъ несчастный приходится мнѣ сыномъ! О, если бъ его убилъ Аполлонъ своею стрѣлою.Тогда я своими руками похоронилъ бы его! Теперь же передъ глазами у меня сидитъ, въ лицѣ его, ужасный голодъ. Такъ вылѣчи же его отъ гибельной болѣзни, или самъ содержи его: у меня нечего давать ему ѣсть. Стойла мои пусты, въ хлѣвахъ нѣтъ больше скота; повара мои уже отказываются работать. Выпряжены даже мулы изъ тяжелой колесницы. Онъ съѣлъ и быка, котораго мать его откармли-

вала для жертвы Гестіи, бравшаго награды боевого коня и даже кота, грозу мышей!..“ *)

Пока во дворцѣ Тріопа оставались еще съѣстные припасы, объ его несчастіи знали исключительно одни домашніе, но, когда царскій сынъ съѣлъ все, что только можно было съѣсть въ богатомъ домѣ, онъ уже сталъ сидѣть на перекресткахъ, вымаливая кусокъ хлѣба и собираемыя со стола крошки... [32]).

Я, Деметра, не хочу имѣть друзьями тѣхъ, кто противенъ тебѣ, какъ и жить съ ними подъ одною кровлей; я врагъ дурныхъ сосѣдей.

Начинайте же, дѣвушки, а вы, женщины, подхватите ихъ крики: „Громкая слава тебѣ, Деметра, благодатная богиня плодородія!“ И какъ корзины везетъ четверка лошадей свѣтлой масти, такъ пусть великая богиня, царица обширныхъ владѣній, придетъ къ намъ съ свѣтлою весною, свѣтлымъ лѣтомъ, зимою и осенью, пусть хранитъ насъ и на будущій годъ! Какъ мы безъ вреда для себя ходимъ по городу босыми и съ непокрытою головой **); такъ пусть наши ноги и головы будутъ всегда невредимы! Какъ у дѣвушекъ, несущихъ священную утварь, утварь эта вся золотая; такъ и у насъ пусть будетъ вдоволь золота! Женщины, не посвященныя въ мистеріи, должны идти только до городского пританея, посвященныя, но моложе шестидесяти лѣтъ—до самаго храма, старухи же, беременныя или больныя пусть идутъ, пока имъ служатъ ноги. Деметра щедро дастъ имъ все, какъ бы онѣ шли до самаго храма.

Слава тебѣ, богиня! Храни нашъ городъ въ единеньи сердецъ и счастьи! Пусть все созрѣваетъ на нашихъ поляхъ! Сохрани наши стада,

*) Послѣ этого Bergk видитъ небольшой пропускъ.

**) Здѣсь, по Schneider'у, пробѣлъ.

дай урожай яблокъ, дай урожай хлѣба, пошли богатую жатву, продли и миръ, чтобы посѣявшій могъ снять жатву! Будь милостива ко мнѣ, глубокочтимая, могучая царица надъ богинями!

II. Изъ эпиграммъ.

(IV).

— Тимонъ, ты умеръ; скажи же, что ты больше ненавидишь, жизнь или смерть? — Смерть: вашего брата больше покойниковъ, чѣмъ живыхъ! [33]).

(VIII).

Поэтъ, получившій призъ, выражается, Діонисъ, коротко. Его: „Побѣда наша“ замѣняетъ самое длинное слово. Но тотъ, кому ты не оказалъ милости, отвѣчаетъ на вопросъ, какъ его дѣла: „Дѣла мои плохи“. Пусть выражается такъ думающій о чемъ-либо несправедливомъ, что до меня, пусть будетъ всегда со мной слово: „Побѣда!“

(IX).

Сномъ праведныхъ спитъ здѣсь сынъ Дикона, акантянинъ Саонъ: про людей добрыхъ не говори, что они умерли. [34])

(XXVI).

Я не былъ богатъ и жилъ недолго, не обижая и не оскорбляя никого. Мать-Земля, если я, Микилъ, похвалилъ хоть что-нибудь дурное, не будь легка для меня, какъ не знайте состраданія и вы, другіе боги, во власти которыхъ я нахожусь теперь!

(XXIX).

Налей вина и вторично выпей за здоровье Діокла. Не подбавляйте воды въ красивыя кружки! Ты, Діоклъ, красивый мальчикъ, слишкомъ красивый. Кто несогласенъ, пусть позволитъ одному мнѣ убѣдиться, въ чемъ заключаются его прелести.

(XXXI).

Охотникъ Епикидъ гоняется въ горахъ за каждымъ зайцемъ, выслѣживаетъ каждую козу, все равно—по росѣ-ли, или по снѣгу. Но если ему говорятъ: „Смотри, вонъ лежитъ звѣрь“, онъ не беретъ его. То же и съ моэй любовью: она преслѣдуетъ обыкновенно то, что бѣжитъ отъ нея, и оставляетъ безъ вниманія то, что лежитъ...[35]).

(XL).

Мой милый, раньше я была жрицей Деметры, затѣмъ кабировъ, наконецъ, Кибелы, и состарѣлась въ своей должности. Теперь я *)—горсть земли, я, ходившая когда-то во главѣ толпы молодыхъ женщинъ. У меня были дѣти, двое сыновей, и на ихъ рукахъ закрыла я глаза, счастливою старухой. Проходи мимо съ радостнымъ чувствомъ на сердцѣ!

* Отъ собственнаго имени сохранились въ текстѣ лишь двѣ первыя буквы: No...

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Критяне пользовались въ древности дурною славой лжецовъ и обманщиковъ. Полный стихъ, принадлежащій Епимениду, читается такъ:

Κρῆτες ἀεὶ ψεῦσται, κακὰ θηρία, γαστέρες ἀργαί.

Спустя триста лѣтъ послѣ Каллимаха его повторяетъ апостолъ Павелъ. Въ древности были знамениты τρία κάππα κακά—критяне, каппадокійцы и киликійцы, взамѣнъ послѣднихъ иногда—карійцы.

2) По одному изъ критскихъ преданій, могила Зевса находилась близъ Гноса. Происхожденіе этого преданія схоліастъ Каллимаха объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „На Критѣ, на гробницѣ Миноя, была надпись: Μίνωος τοῦ Διὸς τάφος. Но слово Μίνωος, отъ времени, не сохранилось, такъ что осталось лишь: τοῦ Διὸς τάφος“. Евгемеръ въ своей знаменитой Ἱερὰ ἀναγραφή ссылался на это преданіе, доказывавшее, по его мнѣнію, что Зевсъ былъ человѣкомъ, позже обоготвореннымъ. Въ 1886 году были произведены роскопки въ такъ называемой „критской“ пещерѣ Зевса. Въ ней найдено много остатковъ отъ жертвоприношеній,—вазы, обожженые рога быковъ и козъ, бронзовыя стрѣлы, чашка и ножикъ. Пещера раздѣлена на наружную и внутреннюю. Въ послѣдней течетъ подземная рѣка. Передъ пещерой находится терраса, съ четырехугольнымъ камнемъ, гладко выточеннымъ человѣческими руками и очевидно служившимъ жертвенникомъ. Гротъ находится на разстояніи двадцати минутъ пути отъ деревни

Психро, на высокой равнинѣ, называемой Ласситн. Стихъ 8-й очевидно имѣлъ передъ глазами Ноннъ (Dion. VIII. 117), какъ въ другомъ мѣстѣ (ibid. XIII. 291) онъ подражаетъ стихамъ 10 слл.

3) Отъ ὀμφαλός (omphalos), пупокъ.

4) Стихъ изъ „Теогоніи“ Гесіода (ст. 96).

5) Такъ же точно оканчиваются псевдо-гомеровскіе гимны Гераклу (XIV) и Гефэсту (XIX). Заключительныя слова, быть можетъ, направлены противъ стоиковъ, утверждавшихъ, что для счастья достаточно одной добродѣтели,—αὐταρκὴς ἡ ἀρετὴ πρὸς εὐδαιμονίαν. Въ политическихъ намекахъ въ концѣ гимна нѣкоторые ученые видятъ указаніе на смерть родного брата Филадельфа, Аргэя, посягнувшаго на его жизнь и убитаго въ 279 году. Другой братъ Птолемэя II, съ 308 г. царь Кирены, Мага, ведшій съ нимъ войну, былъ въ 258 г. также убитъ по его приказанію. Какъ и Зевсъ, Птолемэй одержалъ побѣду надъ братьями въ спорѣ о коронѣ.

6) Амазонокъ.

7) Дѣйствительно, она носила множество именъ: Εἰλείθυια, Λοχία—какъ богиня рожденій, Σελασφόρος, Φωσφόρος—луны, Ἀγροτέρα—охоты, и т. д.

8) Ср. Nonnus Dion. XVI. 125 sqq.

9) Культъ Артемиды существовалъ въ Ефесѣ, Кизикѣ, Кларѣ, Клазоменахъ, Алеѣ, Мегалополѣ, Коринѳѣ, Сикіонѣ и др., изъ острововъ—на Хіосѣ, Самѣ, Критѣ и т. д. Какъ покровительница дорогъ и гаваней, она называлась Ἐπίσκοπος—въ Елидѣ, Νηοσσόος—въ Пагасахъ, Εὐπορία—на Родѣ, Ἐκβατηρία—на Сифнѣ, Λιμενῖτις—въ Лаконіи и Мессеніи, Παραλία—на Кипрѣ.

10) Киклопы. Третьимъ и послѣднимъ изъ всѣхъ считался обыкновенно Бронтъ, упоминаемый ниже.

11) Такъ называемыя ὀπτήρια. Родственникъ, которому первому показывали новорожденнаго, въ благодарность отдаривалъ его.

12) По-гречески ἀλωπεκία, отъ ἀλώπηξ, лисица. Гдѣ помочится это животное, тамъ, по объясненію схоліаста, цѣлый годъ не бываетъ растительности.

13) Знаменитыя въ древности собаки, помѣсь между лисицей и собакой. То, что говоритъ о зайцѣ Каллимахъ, и вмѣстѣ съ нимъ схоліастъ, не принадлежитъ къ области фантазіи, но и не составляетъ правила. Это бываетъ обыкновенно съ бѣлякомъ (Lepus timidus).

14) Горацій (Carm. III. XXIII) обѣщаетъ Фидилѣ:

Ежели къ небу ты руки возносишь
При новолуньи съ мольбою, Фидила,
Ладанъ-ли, плодъ-ли созрѣлый подносишь,
Иль поросенкомъ ты ларъ ублажила:
Пышной лозѣ не навѣетъ заразу
Африкъ, и жатвъ не изсушитъ несносный
Жаръ, а ягнятъ не коснется ни разу
Тяжкое время жары плодоносной (Фетъ).

15) Царь дріоповъ. Голодный Гераклъ убилъ у него быка. Царь вызвалъ его на поединокъ, но и самъ былъ убитъ. Надъ обжорствомъ Геракла весело смѣется Аристофанъ въ „Лягушкахъ“.

16) Ручей на Делѣ. По мнѣнію делійцевъ, онъ бралъ начало въ Эгиптѣ, — благодаря тѣмъ же особенностямъ, какими отличается и Нилъ.

17) Миѳъ этотъ разсказываетъ также Антонинъ Liberalis въ своихъ „Превращеніяхъ“ (cap. 40. стр. 25 нашего перевода). Самымъ древнимъ и полнымъ источникомъ этого преданія служитъ Каллимахъ. Только онъ говоритъ, что Миной преслѣдовалъ нимфу девять мѣсяцевъ и что она бросилась въ море со скалы. Изъ римскихъ поэтовъ разсказываетъ о томъ же Вергилій.

18) Кентавры, въ пьяномъ видѣ напавшіе на Аталанту. Имя послѣдняго встрѣчается обыкно-

венно въ формѣ Рэта. Калидонская охота, гдѣ со славой участвовала Аталанта, описана Овидіемъ въ его „Превращеніяхъ“.

19) Сынъ Кодра, основатель Милета. Замѣтивъ, что жители мѣстечка въ Аттикѣ, справлявшіе праздникъ, обвѣсили плодами одно дерево, онъ приказалъ сдѣлать изъ него статую Артемиды. Въ честь ея въ Милетѣ долгое время существовалъ торжественный праздникъ.

20) Въ текстѣ:

ἦ μέν τοι Προῖτός γε δύω ἐκαθίσσατο νηούς,
ἄλλον μὲν Κορίης, ὅτι οἱ σενελέξαο κούρας,
. . . . τὸν δ'ἐνὶ Λούσοις
Ἡμέρῃ, οὕνεκα θυμὸν ἀπ' ἄγριον εἵλεο παίδων.

Въ русскомъ этого мѣста нельзя передать ближе.

21) Подражаніе Гомеру, „Иліада“, XVIII. 597 слл.

22) Около 633 г. скиѳы (киммерійцы) и треры, конные номады, вторглись въ Лидію и затѣмъ двинулись противъ іоническихъ колоній. Въ кровопролитномъ сраженіи они разбили войска Магнесіи-на-Мэандрѣ и затѣмъ осадили Ефесъ. Ихъ привлекали къ себѣ колоссальныя богатства его храма. Но всѣ попытки Лигдамида сжечь храмъ разбились о геройское сопротивленіе ефесцевъ, вдохновляемыхъ воинственными элегіями своего поэта, Каллина. Прогнанные лидійцами скиѳы ушли въ южную Киликію, гдѣ бродили нѣсколько лѣтъ, опустошая эту страну. Въ царствованіе Аліатта скиѳы снова напали на Лидію, подъ предводительствомъ того же Лигдамида, пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ перваго нашествія. Нападеніе было отбито и на этотъ разъ. Варвары ушли, раздѣлившись на мелкія орды, но все еще продолжали наводить страхъ на сосѣдей, пока ихъ имя окончательно не исчезло изъ исторіи. Хесій— мысъ Сама, съ храмомъ Артемиды, Ибрасъ—рѣка на томъ же островѣ.

23) Изъ ѳессалійскихъ Феръ культъ Артемиды былъ перенесенъ въ Аѳины, Аргосъ и Сикіонъ.

24) Великанъ, хотѣвшій взобраться на Олимпъ и овладѣть Артемидой и Герой. Знаменитый охотникъ Оріонъ, по другому преданію, былъ убитъ за то, что вызвалъ Артемиду на состязаніе въ метаніи диска, или за оскорбленіе, нанесенное имъ гиперборeянкѣ Опѣ. Наконецъ, по нѣкоторымъ разсказамъ, его смертельно укусилъ скорпіонъ.

25) Внукъ Аргоса, аргосскій національный герой. Чтеніе παῖδες 'Ακεστοριδᾶν невѣрно, несмотря на схоліаста. По словамъ послѣдняго, Евмеда подозрѣвали въ намѣреніи передать Гераклидамъ статую Аѳины, палладій.

26) Ср. Ovid. Trist. II. 105—8. У него же („Превращенія“, III. 316 слл. стр. 71—2 нашего перевода), Тиресія ослѣпила Гера за то, что, въ качествѣ судьи въ очень щекотливомъ спорѣ Зевса съ Герой, онъ рѣшилъ его въ пользу перваго.

27) Подражаніе извѣстному и часто цитируемому древними стиху (изъ Διαθῆκαι псевдо-Орфея):

Φθέγξομαι οἷς θέμις ἐστί. θύρας δ'ἐπίθεσθε
βέβηλοι...

28) Гора въ Епирѣ. По мнѣнію древнихъ, львенки, какъ и дѣти гадюки, при рожденіи разрываютъ когтями матку матери, поэтому львица рожаетъ будто бы во всю жизнь одного только дѣтеныша. Но уже Аристотель знаетъ, что львица рожаетъ нѣсколько разъ, отъ 1—6, но чаще 2—3 дѣтенышей.

29) Подражаніе—у Нонна (Dionys. XXIX. 320).

30) Тоже въ эпиграммѣ у Эсхина (Κατὰ Κτησιφῶντος, 184).

31) Внукъ Эола, какъ и Тріопъ.

32) Древнѣйшее поэтическое изложеніе легенды объ Ерисихтонѣ даетъ Каллимахъ. Превосходный разсказъ Овидія („Превращенія“, VIII. 738—878) болѣе подробенъ сравнительно съ грече-

скимъ, сливая два преданія. Ерисихтонъ Овидія не чтитъ боговъ, не приноситъ жертвъ на алтаряхъ. Наконецъ, онъ приказываетъ вырубить священную рощу Цереры и, когда рабы отказываются исполнить его распоряженіе, самъ дерзко заноситъ топоръ на старый священный дубъ. Изъ разрубленной коры дерева течетъ кровь; но Ерисихтонъ продолжаетъ рубить его. Тогда изъ дуба раздается голосъ умирающей дріады, и исполинское дерево падаетъ, поваливъ множество другихъ. Въ траурныхъ платьяхъ печально приходятъ дріады къ Церерѣ, умоляя ее наказать преступника. Оскорбленная богиня рѣшаетъ отдать его намученіе Голоду и посылаетъ за послѣднимъ, въ Скиѳію, одну изъ горныхъ нимфъ. Голодъ—матеріализація метафоры, олицетвореніе въ чисто римскомъ духѣ,—исполняетъ приказаніе Цереры и своимъ тлетворнымъ дыханіемъ заражаетъ Ерисихтона. Картинно описываетъ римскій поэтъ его мученія: „Еще слабый сонъ тихо вѣялъ надъ Ерисихтономъ своими крыльями, а ужъ онъ и во снѣ сталъ подражать ѣдѣ, двигалъ пустымъ своимъ ртомъ, стучалъ зубами, какъ будто ѣлъ, — но вмѣсто пищи попусту глоталъ чистый воздухъ. Когда же сынъ Тріопа проснулся, то почувствовалъ ужасный голодъ; свирѣпствуетъ онъ въ его алчномъ ртѣ и огромномъ чревѣ. И тотчасъ требуетъ Ерисихтонъ того, что производитъ море, земля и воздухъ. Столы покрываются яствами, а онъ все жалуется на голодъ, среди ѣды хочетъ ѣсть,— и того, чего хватило бы для цѣлаго города, мало для одного человѣка. И чѣмъ болѣе ѣстъ Ерисихтонъ, тѣмъ болѣе онъ хочетъ ѣсть. И какъ море принимаетъ въ себя рѣки всей вселенной, не насыщаясь своими водами, но поглощая и чужія; какъ все пожирающій огонь никогда не отказывается отъ пищи, а истребляетъ множество дровъ, и чѣмъ болѣе ихъ подбрасываютъ ему, тѣмъ болѣе онъ пожираетъ, ненасытнѣе дѣлается отъ пищи: такъ

и нечестивый Ерисихтонъ ѣстъ всякія яства и въ то же время проситъ ѣсть, — всякая снѣдь для него позывъ къ пищѣ, постоянно находится у него свободное мѣсто въ желудкѣ. Чтобы утолить свой голодъ, наполнить ненасытимое чрево, Ерисихтонъ ужъ прожилъ отцовское богатство, но и тогда не прошелъ его неутолимый, ужасный голодъ, по прежнему пылала алчность въ ненасытимомъ горлѣ. Въ концѣ концовъ, когда сынъ Тріопа прожралъ все свое богатство, у него осталась одна дочь, достойная лучшаго отца“ („Превращенія“, стр. 202 нашего перевода). Эпизода о Местрѣ, встрѣчающагося, въ измѣненномъ видѣ, въ преданіяхъ другихъ народовъ, нѣтъ у Каллимаха, такъ какъ его юный царевичъ не могъ имѣть взрослой дочери. Затѣмъ у Каллимаха Ерисихтонъ дѣлается нищимъ, у Овидія—пожираетъ самого себя. Миѳъ объ Ерисихтонѣ толкуютъ различно. По объясненію Crusius'a, Ерисихтонъ (отъ ἐρύσσω и χθών, т. е. „разрыватель земли“)—типъ пахаря. Въ „золотой“ вѣкъ Крона земля производила все сама собою. Но настаетъ болѣе дурной вѣкъ. Человѣкъ заставляетъ землю давать ея дары съ помощію плуга, оружія своего рода; мало того, онъ идетъ въ ея нѣдра, добывая металлы. Имъ овладѣваетъ духъ наживы, ненасытная жажда къ пріобрѣтенію. Этотъ „голодъ“ заставляетъ его разрывать землю. Съ введеніемъ культуры проходитъ прежній золотой вѣкъ человѣчества. И все-таки при подобномъ толкованіи является вопросъ, для чего собственно фигурируетъ въ миѳѣ Деметра? Это тѣмъ болѣе странно, что именно она считалась учительницей земледѣлія. Въ данномъ случаѣ ее слѣдовало бы замѣнить Геей, элементъ которой оскорбляетъ Ерисихтонъ. Такимъ образомъ, по Crusius'y, легенда наша носитъ на себѣ этическій характеръ. Съ нѣмецкимъ комментаторомъ несогласенъ проф. Ѳ. Зѣлинскій. По его мнѣнію

(Philologus, B. I. Heft. I. 1891. S. 131—162), миѳъ объ Ерисихтонѣ, гипостасѣ Посидона,—сказаніе о спорѣ изъ-за земли между двумя главными и до нашествія дорійцевъ единственными богами тріопійскаго храма. Къ этому храму пріурочиваетъ проф. Зѣлинскій преданіе объ Ерисихтонѣ.

33) См. примѣч. 78 къ нашему переводу „Избранныхъ эпиграммъ греческой антологіи" (стр. 132).

34) По русски переведена стихами Печеринымъ. По другимъ, принадлежитъ Агаѳію.

35) Весьма извѣстная эпиграмма двусмысленнаго содержанія. Очевидно ее имѣлъ въ виду Горацій (Sermon. I, II. 105 sqq):

. . . . . . leporem venator ut alta
In nive sectetur, positum sic tangere nolit'
Cantat, et apponit, meus est amor huic similis: nam
Transvolat in medio posita et fugientia captat'.

То же—Овидій (Amor. II. 9. 9—10).

КОНЕЦЪ.

Печатаются его-же.

Аристофанъ. Ахарнцы (Дешевая Библіотека).
— Птицы (Дешевая Библіотека).
— Всадники (Дешевая Библіотека).
— Лягушки (Дешевая Библіотека).
— Женское Народное Собраніе (Дешевая Библіотека).
— Миръ (Дешевая Библіотека).
— Женщины на праздникѣ Тесмофорій (Дешевая Библіотека).
— Плутосъ (Дешевая Библіотека).
— Осы (Дешевая Библіотека).
Общеупотребительныя латинскія цитаты.
Цицеронъ. Полное собраніе рѣчей. Томъ I. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. Ѳ. Зѣлинскаго.
— Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. II.